ДБ 375
Л-99

ДБ
375
Л99

Лященко П.И.

Последний секретный комитет по крестьянскому делу

3 января 1857 г. - 16 февраля 1858 г.

СПб., 1911.

333.3 (47)

П. И. Лященко.

ПОСЛѢДНІЙ СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТЪ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ.

3 января 1857 г.—16 февраля 1858 г.

(По матеріаламъ Архива Государственнаго Совѣта).

94 08
38675/
99/8°

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ред. Період. изданій Министер[illegible]а Финансовъ.
1911.

3C
2675

Прошло полстолѣтія со времени осуществленія крупнѣйшей реформы въ хозяйственно-политической жизни Россіи и, можетъ быть, даже одной изъ крупнѣйшихъ въ хозяйственной жизни всей Европы прошлаго столѣтія. Освобожденіе крестьянъ, какъ актъ чисто политическій, и еще болѣе—то экономическое переустройство, которое сопровождало его, представляло такое громадное значеніе и было такъ чревато послѣдствіями для всей русской и даже обще-европейской экономической, финансовой, торгово-промышленной и политической жизни, что неудивительно нѣкоторое отсутствіе до сихъ поръ должной исторической перспективы на реформу и на всѣ ея послѣдствія.

Въ особенности въ экономическихъ вопросахъ часто до сихъ поръ 1861 г. ставятъ той гранью, по одну сторону которой экономическая жизнь не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что было по другую ея сторону. Быстрота развитія экономической жизни, рѣзкая перемѣна въ условіяхъ ея сравнительно съ тѣмъ, что было недавно, заставляла забывать, что новыя экономическія условія могли вырасти только на почвѣ старыхъ, что наступившая экономическая свобода должна была имѣть прочные корни въ крѣпостной экономіи, что среди свободнаго поколѣнія живы еще очевидцы и участники крѣпостничества. Поэтому наша экономическая и, въ част-

ности, историко-экономическая дѣйствительность до сихъ поръ почти совсѣмъ не изучена съ точки зрѣнія экономической закономѣрности ея возникновенія изъ предшествовавшаго полустолѣтія, ея развитія изъ тѣхъ началъ, которыя были заложены въ ней уже давно.

Эта фактическая близость къ намъ времени освобожденія является и причиной того, что даже въ отношеніи научно-исторической обработки самаго акта освобожденія и его законодательнаго проведенія въ исторической наукѣ сдѣлано до сихъ поръ сравнительно мало. Еще очень многіе вопросы проведенія и осуществленія реформы не изслѣдованы или документально не обоснованы. Поэтому, вмѣсто подробной и исчерпывающей исторической обработки акта освобожденія, мы имѣемъ два-три капитальныхъ историческихъ труда современниковъ, но и то большею частью затрогивающихъ лишь часть вопроса (Скребицкій, Семеновъ); а дальше слѣдуетъ рядъ замѣтокъ и воспоминаній объ отдѣльныхъ эпизодахъ реформы и, наконецъ, двѣ-три не лишенныхъ неточностей сводныхъ работы. Груды же оффиціальныхъ и документальныхъ данныхъ до сихъ поръ остаются почти совершенно не изученными [1]). А все это, конечно, иногда можетъ препятствовать выясненію условій той борьбы экономическихъ интересовъ, которая въ 1861 году сосредоточилась вокругъ реформы.

---

[1]) Особенно цѣнными въ этомъ отношеніи представляются подлинные документы по проведенію реформы и ея дальнѣйшему развитію, хранящіеся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, именно журналы и дѣла секретнаго и главнаго комитетовъ, губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммисій, а также позднѣйшаго главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія. Эти матеріалы или почти не затронуты изученіемъ, или ихъ передача въ литературѣ не вполнѣ точна. Къ сожалѣнію, обиліе матеріала до сихъ поръ затрудняетъ его полное и оффиціальное опубликованіе. Послѣдующее изложеніе составлено именно на основаніи этихъ источниковъ.

Такъ, до сихъ поръ нельзя считать установленнымъ основной вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права: одни авторы считаютъ, что оно имѣло еще экономическія жизненныя основы и въ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства могло существовать еще долго; другіе—что само земледѣльческое хозяйство и интересы помѣщиковъ требовали уже перехода къ свободному труду.

Безусловно одно, что и въ самой сельскохозяйственной средѣ имѣлись разнообразные элементы и противоположные интересы. Далеко не всѣ помѣщики были заинтересованы какъ въ сохраненіи, такъ и въ отмѣнѣ крѣпостного права. Съ одной стороны, обширные раіоны юга, востока и юго-запада работали уже на вольно-наемномъ трудѣ. Здѣсь количественно крѣпостной трудъ не игралъ большой роли въ производствѣ, а отъ отмѣны его помѣщики-предприниматели и крупные владѣльцы могли только выиграть, такъ какъ освобожденіе могло дать имъ массу дешеваго труда. Географически въ крѣпостномъ правѣ былъ заинтересованъ, главнымъ образомъ, центръ; но при этомъ земледѣльческій центръ могъ бояться за отходящую крестьянамъ землю, промышленный же—собственно за отмѣну права на личный трудъ.

Съ другой стороны, противоположность или, по крайней мѣрѣ, неодинаковость интересовъ въ отношеніи къ крѣпостному праву раздѣляла крупныхъ и мелкихъ помѣщиковъ. Крупные и богатые помѣщики, за исключеніемъ тѣхъ, которые вели предпринимательское хозяйство на наемномъ трудѣ (напр., сахарное и винокуренное на юго-западѣ), или тѣхъ, которые вели экстенсивное скотоводственное хозяйство (на югѣ), держали своихъ крестьянъ преимущественно на оброкѣ. Барщиннымъ трудомъ, наоборотъ, широко пользовалось среднее помѣст-

ное дворянство и особенно эксплоатировало его мелкое. Поэтому это послѣднее было жизненно заинтересовано въ существованіи крѣпостного труда и, боясь перехода въ новыя условія, стояло за безусловное его сохраненіе. Наоборотъ, крупное землевладѣніе было экономически менѣе заинтересовано въ крѣпостномъ трудѣ и поэтому вообще было болѣе склонно къ личной, но лишь безземельной эмансипаціи, къ освобожденію, но лишь путемъ выкупа личной свободы.

Далѣе, торгово-промышленный классъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ освобожденія. Онъ—кромѣ самихъ крестьянъ—пожалуй, въ наибольшей степени испытывалъ всѣ экономическія невыгоды крѣпостного строя, невозможность при немъ экономическаго прогресса. Если крупное земледѣльческое предпринимательство было мало заинтересовано въ существованіи крѣпостного права, то крупная промышленность тѣмъ болѣе настоятельно требовала развитія во всѣхъ отрасляхъ производства вольнонаемнаго труда. Интересы этой быстро развивающейся промышленности медленно, но постоянно побѣждали сословно-промышленныя привиллегіи дворянскаго производства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ. Такіе видные дѣятели нашей промышленно-торговой буржуазіи, какъ откупщикъ Кокоревъ, конечно, не ради чистой идеи являлись защитниками освобожденія.

Наконецъ, и самъ народъ не «безмолвствовалъ». Помимо эмансипаціоннаго движенія, существовавшаго въ интеллигентныхъ кругахъ общества, опасность крестьянскихъ массовыхъ движеній за послѣднее столѣтіе всегда тревожила правительство. Помимо этой внутренней опасности, крымская война показала, что крѣпостной строй ведетъ и къ внѣшнему ослабленію государства.

Все это объясняетъ, почему правительство, въ лицѣ

высшихъ и именно чисто бюрократическихъ, не связанныхъ съ земледѣльческими интересами, круговъ, явилось вмѣстѣ съ либеральною частью общества защитникомъ эмансипаціи. Помимо эмансипаціонныхъ идей самого Государя, великаго князя Константина, великой княгини Елены Павловны и личныхъ воззрѣній отдѣльныхъ лицъ, здѣсь имѣла преобладающее вліяніе и извѣстная государственная точка зрѣнія, т. е., съ одной стороны, необходимость примиренія противоположныхъ экономическихъ интересовъ, съ другой—опасность передъ постоянно угрожавшими внутренними волненіями и внѣшними неудачами.

Всѣ эти условія и отразились въ высшей степени ярко какъ на обстоятельствахъ зарожденія идей реформы, такъ и на ея осуществленіи и дальнѣйшемъ развитіи. Она началась почти безъ всякаго заранѣе обдуманнаго или готоваго правительственнаго плана, часто первоначально безъ малѣйшаго знанія дѣла у лицъ, впослѣдствіи явившихся руководителями дѣла; она протекала подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ указанныхъ выше интересовъ и теченій; поэтому нѣкоторыя важнѣйшія начала, легшія впослѣдствіи въ основу всего зданія, выяснились лишь къ концу реформы; другія, провозглашенныя, какъ незыблемыя ея основы, свелись въ ея дальнѣйшей разработкѣ и осуществленіи на одну лишь формальность.

Однимъ изъ характерныхъ въ этомъ отношеніи эпизодовъ въ проведеніи реформы является дѣятельность послѣдняго секретнаго комитета, учрежденнаго на подобіе прежде существовавшихъ восьми такихъ же комитетовъ. Этимъ послѣднимъ секретнымъ комитетомъ заканчивается собственно вопросъ объ освобожденіи, и начинается развитіе реформы въ томъ направленіи, которое

впослѣдствіи ушло такъ далеко отъ первоначальныхъ предположеній. «Секретный комитетъ» былъ послѣднимъ этапомъ борьбы вообще за освобожденіе и первымъ этапомъ борьбы за землю.

---

3 января 1857 года десять высшихъ сановниковъ С.-Петербурга получили конфиденціальное и даже секретное приглашеніе отъ самого Императора собраться въ его присутствіи для прослушанія какого-то новаго проекта освобожденія крестьянъ и для образованія новаго секретнаго комитета. Едва ли они были удивлены неожиданностью такого приглашенія; едва ли и то, что говорилось въ этомъ новомъ секретномъ комитетѣ, долгое время оставалось тайной въ петербургскихъ гостиныхъ этихъ сановниковъ. Вѣдь къ «секретнымъ комитетамъ» для выработки проектовъ за послѣднее время такъ привыкли, что было бы, пожалуй, болѣе странно, если бы не существовало такого секретнаго комитета. А въ успѣхъ новаго секретнаго комитета, конечно, почти всѣ собравшіеся вѣрили не больше, чѣмъ въ успѣхъ прошлыхъ восьми комитетовъ: всѣ результаты ихъ заключались лишь въ грудахъ исписанной бумаги, да въ незначущихъ мѣрахъ. Крѣпостные сановники едва ли серьезно безпокоились за участь ихъ многочисленныхъ «душъ» и «населенныхъ имѣній».

Правда, за послѣдніе годы голоса о свободѣ стали какъ будто болѣе громкими и смѣлыми. Правда, даже съ «высоты престола» стали раздаваться опасные слова и призывы. Въ знаменитыхъ, облетѣвшихъ всю Россію словахъ, сказанныхъ московскому дворянству: «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться

снизу» [1])—слышались такіе мотивы, что приходилось уже изъ собственныхъ интересовъ обдумать вопросъ. Но вѣдь тому же самому дворянству еще недавно правительствомъ отъ имени Государя было дано противоположное обѣщаніе «ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству» [2]). И, конечно, едва ли какія-либо серьезныя опасенія и тревоги возникли въ мысляхъ приглашенныхъ къ Государю правителей. А нѣкоторые въ новомъ комитетѣ видѣли лишь новый путь къ достиженію болѣе высокихъ ступеней бюрократической лѣстницы.

Идея новаго секретнаго комитета принадлежала министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому. Правда, самъ министръ, повидимому, не склоненъ былъ дѣлать его «секретнымъ», можетъ быть, сознавая, что секретность прежнихъ комитетовъ была одной изъ главныхъ причинъ неуспѣха ихъ проектовъ. Дѣятельность комитета представлялась Ланскому нѣсколько болѣе широкой, связанной съ выработкой проектовъ мѣстными комитетами, состоящими изъ лицъ, болѣе знающихъ дѣло, болѣе преданныхъ ему, чѣмъ петербургскіе престарѣлые сановники [3]).

---

[1]) Слова, сказанныя депутатамъ московскаго дворянства. См. «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра II. Берл. 1860—62 гг., 3 тома.

[2]) Циркуляръ М-ра Вн. Дѣлъ губернскимъ предводителямъ дворянства 28 августа 1855 г.

[3]) Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ, составленной Левшинымъ и, повидимому, послужившей началомъ созыва секретнаго комитета, Ланской писалъ 20 декабря 1856 г.: для разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи «нуженъ совѣтъ, комитетъ или иное собраніе небольшого числа лицъ, убѣжденныхъ въ необходимости идти къ новому порядку... Такой комитетъ долженъ быть не временнымъ, но постояннымъ, не только разсуждающимъ, но и дѣйствующимъ; онъ не долженъ останавливаться на вопросахъ, ему предложенныхъ, но самому себѣ ихъ предлагать... И этотъ, такъ сказать, времен-

Пожеланіе Ланского о составленіи комитета «изъ лицъ, убѣжденныхъ въ необходимости идти къ новому порядку», пожалуй, было трудно исполнимо. Вѣдь не приглашать же было высшему правительству въ свой секретный комитетъ для обсужденія основного вопроса въ государствѣ представителей литературы, профессоровъ, «красныхъ» чиновниковъ! А изъ среды высшей петербургской бюрократіи, пожалуй, трудно было выбрать и небольшое число лицъ, искренно убѣжденныхъ въ необходимости реформы. Нѣкоторыхъ же, можетъ быть, и не сумѣлъ провести не особенно дѣятельный и энергичный Ланской.

Какъ бы то ни было, Ланскому принадлежитъ значительная доля вліянія въ этомъ образованіи перваго учрежденія для освобожденія крестьянъ. Вообще, въ цитированной выше запискѣ многія стороны проведенія реформы впервые намѣчаются съ достаточной ясностью, и многія предложенія ея впослѣдствіи нашли полное осуществленіе, часто вопреки мнѣнію большинства.

И самый вопросъ въ ней былъ поставленъ прямо, какъ вопросъ объ «освобожденіи». Также онъ былъ поставленъ въ первомъ собраніи и членамъ секретнаго комитета, которые, впрочемъ, постарались незамѣтно и скоро замѣнить эти слова словами «умягченіе крѣпостного права», «улучшеніе быта», полагая, что, вытравивъ ненавистное имъ слово, они убьютъ и самую мысль объ освобожденіи.

ный комитетъ недостаточенъ: лица, которыя въ составъ его войдутъ, не могутъ быть спеціалистами въ вопросахъ, относящихся до внутренняго управленія помѣщичьими крестьянами... а потому нужно прибѣгать къ составленію временныхъ, такъ сказать, техническихъ комитетовъ изъ составителей проектовъ освобожденія крестьянъ, изъ благонамѣренныхъ помѣщиковъ и нѣкоторыхъ представителей дворянства». Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. ком. т. 77, всеподданнѣйшая записка Ланского 20 декабря 1856 г.

Но дадимъ мѣсто оффиціальной записи объ этомъ первомъ засѣданіи послѣдняго «секретнаго комитета» [1]).

«3 января 1857 года въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора были собраны: Предсѣдатель Госуд. Совѣта генералъ-адъютантъ князь Орловъ, предсѣдатель департамента законовъ Совѣта статсъ-секретарь графъ Блудовъ; Министры: Императорскаго Двора, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ, Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской и Финансовъ, статсъ-секретарь Брокъ; шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ графъ Долгоруковъ и члены Государственнаго Совѣта: дѣйствительные тайные совѣтники князь Гагаринъ и баронъ Корфъ и генералъ-адъютанты Чевкинъ и Ростовцевъ.

«При открытіи сего собранія Его Императорское Величество изъявилъ непреклонную волю Свою, дабы всѣ разсужденія, какія будутъ происходить въ настоящемъ собраніи, были сохранены въ строгой тайнѣ.

«Засимъ Его Величество изволилъ изъяснить, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи давно занимаетъ правительство. Введенное сначала неточными и неясными постановленіями и распоряженіями правительства, впослѣдствіи же получившее настоящіе размѣры и свойство отъ недоразумѣній, неправильныхъ толкованій закона и отъ злоупотребленій власти, крѣпостное у насъ состояніе почти отжило свой вѣкъ...

«Засимъ Государственный Секретарь, тайный совѣтникъ Бутковъ, по волѣ Его Величества прочелъ представленные Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ докладъ и при ономъ особую записку, содержащую краткій историческій обзоръ крѣпостного состоянія въ Россіи и мѣръ правительства, къ сему предмету относящихся.

[1]) Архивъ Госуд. Сов., журналы секретн. ком., т. I, жур. № 1.

«По выслушаніи сей записки, Государь Императоръ изволилъ предложить къ обсужденію собранныхъ Его Величествомъ лицъ вопросъ: слѣдуетъ ли приступить теперь къ какимъ-либо мѣрамъ для освобожденія крѣпостныхъ людей?

«Собраніе признало единогласно, что въ настоящее время умы и помѣщиковъ и принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей, особенно крестьянъ, находятся въ какомъ-то ожиданіи. Помѣщики знаютъ или же предполагаютъ, что правительство думаетъ объ освобожденіи крестьянъ; но, не имѣя свѣдѣній, на какихъ основаніяхъ и когда совершится это освобожденіе, и получатъ ли они или не получатъ какое-либо болѣе или менѣе соразмѣрное, за свои права, вознагражденіе, видимо и сильно безпокоятся. Крестьяне, предугадывающіе желаніе правительства освободить ихъ, думаютъ, что одни помѣщики препятствуютъ исполненію видовъ онаго. Конечно, такое ожиданіе и самое волненіе умовъ не ново: оно бываетъ почти всегда при началѣ каждаго царствованія и при другихъ важныхъ событіяхъ; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что, если оно теперь и не сильнѣе бывшихъ въ другое время, то все-таки существуетъ и, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ имѣть послѣдствія болѣе или менѣе вредныя, даже опасныя. Притомъ и само по себѣ крѣпостное состояніе есть зло, требующее исправленія. Съ сожалѣніемъ надо признаться, что всѣ мѣры, которыя до сихъ поръ были принимаемы къ уничтоженію у насъ крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, почти не имѣли никакого успѣха. Это были, такъ сказать, однѣ мысли безъ тѣла...

«При такомъ неуспѣхѣ всѣхъ мѣръ, доселѣ принятыхъ или указанныхъ правительствомъ къ постепенному освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, всѣ собранныя Государемъ

Императоромъ лица вполнѣ убѣждены, что въ настоящее время и для успокоенія умовъ, и для улучшенія будущаго благосостоянія государства необходимо приступить безотлагательно къ подробному пересмотру какъ всѣхъ донынѣ изданныхъ постановленій о крѣпостныхъ людяхъ, такъ и всѣхъ бывшихъ и имѣющихся въ виду предположеній по сему предмету съ тѣмъ, чтобы при этомъ пересмотрѣ были положительно указаны начала, на которыхъ можетъ быть приступлено къ освобожденію у насъ крѣпостныхъ крестьянъ, впрочемъ, къ освобожденію постепенному, безъ крупныхъ и рѣзкихъ переворотовъ, по плану, тщательно и зрѣло во всѣхъ подробностяхъ обдуманному.

«Государь Императоръ, выслушавъ сіи разсужденія и заключеніе, изволилъ вполнѣ оныя одобрить. Засимъ Его Величество изволилъ объяснить, что въ послѣднее время было представлено много предположеній о способахъ, посредствомъ которыхъ можетъ быть совершено освобожденіе у насъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ числѣ ихъ особое вниманіе Его Императорскаго Величества обратила на себя довольно пространная, на-дняхъ полученная, о семъ записка [1]). Сія записка по Высочайшему повелѣнію прочтена въ собраніи. По окончаніи сего чтенія, Государь Императоръ изволилъ объявить собранію, что, одобряя мысль о приступѣ теперь же къ пересмотру постановленій и къ указанію началъ, на которыхъ можетъ и должно быть совершено постепенное освобожденіе въ Россіи крѣпостныхъ крестьянъ, Его Величество изволилъ учреждать для сего, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, особый, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта генералъ-адъютанта князя Орлова, комитетъ изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ со-

---

[1]) Полтавскаго помѣщика Позена. Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла секретнаго комитета, т. 85.

стояло настоящее собраніе съ тѣмъ, чтобы въ сей комитетъ были переданы на разсмотрѣніе какъ всѣ находящіяся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ бумаги о предположеніяхъ, относящихся до сего предмета, такъ и записка о мѣрахъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, въ нынѣшнее собраніе читанная. Его Императорское Величество изволилъ присовокупить, что въ важныхъ случаяхъ сей комитетъ будетъ собираться въ личномъ присутствіи Его Величества».

Итакъ, какъ свидѣтельствуетъ эта оффиціальная запись, конечно, всячески смягченная опытнымъ секретаремъ Бутковымъ, передъ собраніемъ вопросъ былъ поставленъ открыто, какъ вопросъ объ «освобожденіи крестьянъ». Собраніе единогласно приходитъ къ заключенію, что крѣпостное право есть зло, что противъ него должны быть приняты мѣры. Правда, на прямой вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли приступить къ этимъ мѣрамъ теперь же, собраніе отвѣтило уклончиво, что безотлагательно приступить слѣдуетъ только къ пересмотру законоположеній о крѣпостномъ правѣ. Но, во всякомъ случаѣ, согласіе во мнѣніи относительно необходимости освобожденія пока не было нарушено. Но нужно было помнить и знать, что собраніе наполовину состояло изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ крѣпостного права, во главѣ съ шефомъ жандармовъ Долгоруковымъ, министромъ юстиціи Паниным и министромъ государственныхъ имуществъ Муравьевымъ—чтобы придать должную и истинную цѣнность даже и такому согласію. Въ немъ, конечно, была видна только неохота до поры до времени открыто противорѣчить Государю, при скрытой надеждѣ на обычный неуспѣхъ всѣхъ «секретныхъ комитетовъ». Прямыхъ защитниковъ освобожденія въ новомъ секретномъ комитетѣ почти не было; самъ Императоръ съ министромъ

внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ явились наиболѣе близкими къ идеѣ освобожденія [1]). Но и у нихъ не было никакого опредѣленнаго взгляда и выработаннаго проекта о путяхъ и способахъ освобожденія.

Насколько неопредѣленны были мысли даже у иниціаторовъ образованія новаго комитета, видно изъ самаго содержанія той записки, которая обратила вниманіе Государя и подала поводъ собранію комитета. Была ли это дѣйствительно выдающаяся по своему содержанію и идеямъ записка? Нападалъ ли горячо и искренне ея авторъ на крѣпостное право, защищая освобожденіе? Ничего подобнаго ни записка, ни ея авторъ не представляютъ.

Личность Позена, какъ крайне сомнительнаго, непривлекательнаго человѣка, авантюриста и, во всякомъ случаѣ, не защитника эмансипаціи ярко обрисована едва ли пристрастными современниками [2]). Правда, въ запискѣ своей онъ говоритъ тономъ искренняго и убѣжденнаго человѣка, противника крѣпостного права; но, вѣроятно, и Государь, и всѣ присутствовавшіе знали цѣну этой видимой искренности. Но, помимо общихъ разсужденій о крѣпостномъ правѣ, Позенъ указываетъ на нѣкоторые и весьма опредѣленные пути и матеріальные способы его уничтоженія. При отсутствіи опредѣленнаго плана къ осуществленію освобожденія и при убѣжденіи, что оно требуетъ отъ государства большихъ матеріальныхъ жертвъ и финансовыхъ средствъ, можетъ быть, именно эта сторона и остановила на себѣ вниманіе Государя: предлагаемый Позеномъ способъ на первый взглядъ былъ простой и понятный, а установившаяся за нимъ слава

---

[1]) Орловъ и Адлербергъ были защитниками крѣпостного права; Чевкинъ, Блудовъ, Корфъ и даже Ростовцевъ не имѣли опредѣленнаго мнѣнія.

[2]) См. «Матеріалы по исторіи упраздненія крѣпостного состоянія». Т. II, стр. 87—93.

«финансоваго генія» позволяла надѣяться на осуществимость этого способа. Вѣроятно, поэтому-то на записку Позена и было обращено особое вниманіе.

Позенъ въ своей запискѣ [1]) исходитъ изъ того факта, что крѣпостное право всегда было правомъ на личность, а не только на землю. Но «самый законъ, оцѣнивающій человѣка, какъ вещь, обрекающій на рабство цѣлую половину производительнаго класса народа—законъ этотъ по прямому смыслу, не предполагая даже никакихъ злоупотребленій въ исполненіи, соотвѣтствуетъ ли настоящему правильному развитію русскаго народа и прямымъ пользамъ государства?» Три стороны являются заинтересованными въ томъ или иномъ положеніи крѣпостного права: во-первыхъ, крестьяне—но это, конечно, ложь, что они «привязаны къ своему состоянію»; крестьяне желаютъ и ждутъ свободы; во-вторыхъ, помѣщики; просвѣщенные изъ нихъ также желаютъ освобожденія, но таковыхъ, конечно, меньшинство. Большинство, наоборотъ, стоитъ за охраненіе своихъ крѣпостныхъ правъ, ссылаясь при этомъ, впрочемъ, на «общее благо»: по ихъ словамъ, помѣщики пекутся о крестьянахъ, какъ отцы; помѣщики поддерживаютъ развитіе производительныхъ силъ страны; помѣщики нужны государству, какъ «лучшіе полиціймейстеры», безъ нихъ никто не станетъ ни заниматься земледѣліемъ, ни платить податей.

Всѣ эти возраженія Позенъ считаетъ неосновательными. Условія гражданской свободы онъ считаетъ необходимыми для всякаго государства и для всего его населенія. Это—не политическая свобода, до которой Россія дѣйствительно не доросла. Но, конечно, при всемъ томъ, даже личное освобожденіе, если оно будетъ про-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта. Дѣла секретнаго и главнаго комитета, т. 85.

изведено вдругъ, вызоветъ большое неудовольствіе со стороны помѣщиковъ-крѣпостниковъ и можетъ имѣть печальныя послѣдствія. Поэтому произвести его слѣдуетъ постепенно.

Третьей стороной, заинтересованной въ крѣпостномъ правѣ, является правительство. Оно давно считаетъ необходимымъ и желаетъ произвести эмансипацію, но не знаетъ, какъ ее осуществить, и всѣ мѣропріятія его до сихъ поръ остаются безрезультатными.

«Такое положеніе не можетъ продлиться долго. Оно неминуемо произведетъ взрывъ, равно тяжкій для всѣхъ трехъ сторонъ». «Крестьяне желаютъ свободы; они желаютъ перестать быть вещью; желаютъ, чтобы въ нихъ было признано достоинство человѣка... Но они ошибаются въ предѣлахъ полученія свободы... Надобно вразумить ихъ... подтвердивъ, что они собственность помѣщика, и что получить свободу они могутъ только путемъ выкупа»—такъ довольно неожиданно заключаетъ Позенъ свои разсужденія о неотъемлемыхъ благахъ свободы. Что касается помѣщиковъ, то ихъ нужно успокоить, указавъ, что освобожденіе возможно лишь съ «достаточнымъ вознагражденіемъ и не иначе, какъ съ ихъ согласія»—другой, не менѣе неожиданный, выводъ для проповѣдника свободы личности.

Тѣ мѣры, которыя предлагаетъ Позенъ, также очень далеки отъ провозглашеннаго въ началѣ записки права на свободу личности, какъ абсолютнаго и прирожденнаго человѣку. Да и въ практическомъ отношеніи эти мѣры отличаются въ общемъ большой скромностью.

Эти мѣры слѣдующія: во-первыхъ, «устранить отъ этого вопроса всякую таинственность... а, напротивъ, гласно объявить виды правительства по вопросу о крѣпостномъ правѣ и ясно высказать, что оно желаетъ отмѣ-

нить крѣпостное право». Собирая «въ строгой тайнѣ» «секретный комитетъ», правительство, какъ видно, не стремилось послѣдовать этому совѣту. Второй мѣрой должно быть подтвержденіе закона, что освобожденіе крестьянъ можетъ быть совершено только въ видѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ. Это было любимымъ способомъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса для всѣхъ крѣпостниковъ, хорошо знающихъ непримѣнимость этихъ двухъ законоположеній и увѣренныхъ, что, при освобожденіи крестьянъ только черезъ нихъ, крѣпостное право сохранится надолго. Далѣе, необходимо пересмотрѣть эти законы и постановить, что освобождаемые на ихъ основаніяхъ крестьяне пользуются всѣми правами свободныхъ сельскихъ обывателей; свободные хлѣбопашцы не несутъ никакихъ повинностей помѣщику ни личныхъ, ни денежныхъ; обязанные крестьяне, получая личную свободу, несутъ, однако, цѣлымъ обществомъ оброкъ или натуральную повинность по договору.

Далѣе Позенъ переходитъ къ финансовой сторонѣ операціи освобожденія крестьянъ и излагаетъ свою систему гипотеки, какъ средство осуществленія освобожденія. Онъ указываетъ, что при надѣленіи крестьянъ землею необходимо обращать вниманіе, чтобы отдаваемый имъ надѣлъ былъ не менѣе существующаго. При поземельномъ устройствѣ помѣщичьихъ имѣній, расцѣнка имѣній производится по капитализаціи 3-дневной барщины: «оцѣнкѣ должно подлежать только то, что прямо принадлежитъ помѣщику—это трехдневная барщина». Оброкъ также не долженъ превышать по цѣнности эту трехдневную барщину. «Имѣніямъ, переходящимъ въ обязанныя, ссуды при совершеніи акта не выдаются, но онѣ заносятся въ гипотеку на сумму, равную расцѣнкѣ имѣнія на изложенныхъ основаніяхъ. Когда актъ обра-

щенія въ обязанныя утвержденъ, оцѣнка заносится въ гипотечную книгу, а помѣщику выдается свидѣтельство на сумму оцѣнки за вычетомъ лежащихъ на имѣніи долговъ. Это гипотечное свидѣтельство принимается въ залогъ по казеннымъ дѣламъ и поставкамъ, учету въ кредитныхъ учрежденіяхъ, однимъ словомъ, приравнивается обыкновенной денежной бумагѣ. Имѣніе остается собственностью помѣщика, пока онъ исправно уплачиваетъ проценты по ссудѣ. Всѣ эти операціи сосредоточиваются въ особо учреждаемомъ гипотечномъ банкѣ, а также въ центральномъ государственномъ попечительномъ комитетѣ и въ губернскихъ попечительныхъ комитетахъ.

Помимо этой основной мѣры, Позенъ предлагаетъ и нѣсколько второстепенныхъ, также обращавшихъ въ то время вниманіе многихъ: распространеніе права пріобрѣтенія имѣній не только дворянамъ, но и потомственнымъ почетнымъ гражданамъ, обращеніе крестьянъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ за злоупотребленія помѣщиковъ, установленіе правилъ освобожденія безземельныхъ крестьянъ, установленіе предѣловъ дробленія имѣній и т. п.

Этимъ исчерпывается проектъ Позена. Въ практической своей части, какъ видно, главной идеей онъ въ сущности имѣлъ выкупъ личнаго труда, несмотря на то, что право на этотъ личный трудъ въ началѣ записки было провозглашено противорѣчіемъ законамъ божескимъ и человѣческимъ. Эта идея шла въ разрѣзъ также и съ однимъ изъ главныхъ началъ, уже вскорѣ послѣ того усвоенныхъ самимъ правительствомъ и положенныхъ, хотя бы формально, въ основу реформы—именно съ безвозмезднымъ освобожденіемъ личности. Но очевидно, что въ январѣ 1857 г. и это начало было еще не сознано, и правительственные проекты вращались

лишь въ предѣлахъ законовъ объ обязанныхъ крестьянахъ, о свободныхъ хлѣбопашцахъ и о выкупѣ личной свободы.

Само правительство, впрочемъ, не вѣрило въ возможность достиженія успѣха съ помощью примѣненія этихъ двухъ законовъ и добровольнаго на ихъ основахъ освобожденія крестьянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, критикуя, по порученію Государя, записку Позена [1]), указываетъ, что онъ неоднократно пытался пробудить въ помѣщикахъ иниціативу къ освобожденію, но получалъ отъ нихъ отвѣтъ, что, «во-первыхъ, они не считаютъ себя въ правѣ давать примѣръ собратіямъ своимъ; во-вторыхъ, что они не знаютъ основаній, на которыхъ правительство полагаетъ совершить сію перемѣну». Но заявить открыто о своихъ намѣреніяхъ, какъ рекомендовалъ Позенъ, правительство страшилось, да и не могло, такъ какъ само не твердо знало ихъ. Приходилось начинать съ того же средства, которое такъ неоднократно примѣнялось и раньше, и которое, конечно, не могло имѣть успѣха: собрать въ «секретный комитетъ» крѣпостниковъ и ждать отъ нихъ выработки проекта освобожденія.

Результаты не заставили себя ждать. Изъявивъ свое полное единодушіе съ Государемъ въ желаніи приступить къ освобожденію и подчеркнувъ лишь уже собственное мнѣніе о необходимости постепенности въ этомъ дѣлѣ, комитетъ занялся разработкой этой «постепенности». Какъ и Позену, эта постепенность рисовалась ему въ дальнѣйшей разработкѣ правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ [2]).

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла секретнаго комитета, т. 77, замѣчанія Ланского на проектъ Позена 23 декабря 1856 г.

[2]) Въ своемъ журналѣ второго засѣданія 17 января секретный комитетъ заноситъ: «Комитетъ, имѣя въ виду Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, дабы коми-

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ за послѣдніе годы накопилась масса записокъ и проектовъ частныхъ лицъ по вопросу объ освобожденіи. Среди проектовъ полуфантастическаго характера имѣлись и серьезныя записки, получившія въ рукописяхъ большую извѣстность (Кавелина, Самарина, Кошелева) [1]). Комитетъ, получивъ эти записки изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, выбралъ «пріуготовительную коммисію» изъ трехъ членовъ: Гагарина, Корфа и Ростовцева, которымъ и поручилъ составить на основаніи имѣющихся матеріаловъ доклады.

«Пріуготовительная коммисія» не спѣшила съ разработкой матеріала. Правда, записокъ было довольно много [2]),

---

тетъ указалъ начала освобожденія крѣпостныхъ людей постепенно, безъ крупныхъ и рѣзкихъ переворотовъ, и принимая во вниманіе, что почившій въ Бозѣ Государь Императоръ для постепеннаго перехода крестьянъ изъ крѣпостного въ свободное состояніе установилъ особый разрядъ поселянъ обязанныхъ, сверхъ существовавшаго прежде сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ, призналъ удобнѣйшимъ прежде всего приступить въ комитетѣ къ подробному пересмотру и соглашенію двухъ законоположеній: 1) объ обязанныхъ поселянахъ, 2) о свободныхъ хлѣбопашцахъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ долженъ будетъ обсудить разные другіе способы освобожденія крѣпостныхъ людей, которые прежде были предлагаемы и нынѣ вновь предлагаются по сему предмету. Когда, такимъ образомъ, пересмотрѣны будутъ законы, нынѣ существующіе, и предположенія бывшія, имѣющіяся въ виду по предмету освобожденія крѣпостныхъ людей, комитету откроется большая удобность составить подробный планъ освобожденія ихъ—освобожденія постепеннаго, безъ крупныхъ и рѣзкихъ переворотовъ и безъ мѣръ насильственныхъ. Симъ, по мнѣнію комитета, окончится кругъ занятій онаго, кои по существу Высочайшей воли объ учрежденіи комитета должны состоять исключительно изъ работъ законодательныхъ». А. Г. С., журналы секретнаго комитета, № 2, 17 января 1857 г.

[1]) Списки, или оригиналы, находятся въ архивѣ Госуд. Совѣта, дѣла секретнаго комитета, т. 79—89.

[2]) По свидѣтельству Ростовцева, ихъ было на разсмотрѣніи 3 членовъ 36, а не 100, какъ указываютъ «Матеріалы по упраздненію», и за ними повторяетъ Иванюковъ, стр. 16. См. Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. ком., т. 9, всеподд. записка Ростовцева, 20 апрѣля 1857 г.

и вопросъ былъ сложный и трудный для лицъ, имѣвшихъ о немъ весьма смутное понятіе. И только черезъ 4 мѣсяца три члена составили свои заключенія по порученному имъ вопросу. Государь былъ въ это время заграницей, въ Киссингенѣ, и здѣсь, отчасти подъ вліяніемъ новыхъ окружавшихъ его лицъ, пошелъ въ своихъ намѣреніяхъ и планахъ дальше, чѣмъ его министры и ближайшіе помощники. Поэтому, когда записки трехъ членовъ были представлены Государю, онъ могъ въ истинномъ свѣтѣ увидѣть ихъ внутреннее содержаніе.

Но перейдемъ къ самимъ запискамъ. Наиболѣе подробную записку представилъ Ростовцевъ [1]). Но и этотъ, впослѣдствіи столь романтически настроенный, защитникъ освобожденія, имя котораго стало скоро окружаться ореоломъ мученичества за свою идею, въ эти первые дни эпохи освобожденія является далеко не защитникомъ его. По мнѣнію Ростовцева, вопросъ объ освобожденіи не двинулся до сихъ поръ съ мѣста, благодаря тому, что «въ продолженіе 50 лѣтъ обнародывались однѣ только идеи, безъ всякихъ средствъ къ ихъ осуществленію. Идеи эти только волновали умы, только поддерживали надежды, только, осмѣливаюсь выразиться просто: только дразнили, возбуждая жажду и не утоляя ея. Надобно же, наконецъ, или отказаться отъ мысли освобожденія крестьянъ, или начать осуществлять ее, осуществлять уже не словомъ, а дѣломъ».

Начало, повидимому, благопріятное. Но, какъ и у Позена, при переходѣ къ практическимъ мѣропріятіямъ быстро понижается и тонъ: въ начертаніи плана освобожденія необходимо исходить изъ существующихъ законоположеній и «стараться искать разрѣшенія великой

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 9, всеподд. записка Ростовцева.

и трудной задачи въ осуществленіи законоположеній двухъ прежнихъ царствованій». Притомъ необходимо провести реформу такъ, чтобы «сами помѣщики увидѣли въ этомъ собственную свою выгоду». Законы объ обязанныхъ крестьянахъ и свободныхъ хлѣбопашцахъ не удовлетворяютъ, по мнѣнію Ростовцева, этимъ требованіямъ, и поэтому необходимо выработать новый планъ освобожденія.

Отъ человѣка, вскорѣ вставшаго во главѣ великаго дѣла, отъ будущаго предсѣдателя редакціонныхъ коммисій можно было бы ожидать выработаннаго и яснаго плана реформы. Но, читая проектъ Ростовцева, приходится лишь удивляться тому смѣшенію крѣпостничества, бюрократизма, наивности, незнанія дѣла, которое господствовало въ то время въ мысляхъ этого корифея освобожденія.

«Перебросить помѣщичьихъ крестьянъ изъ вѣкового крѣпостного состоянія къ полной свободѣ невозможно; невозможно вдвойнѣ и потому, что народъ нашъ врядъ ли сумѣлъ бы воспользоваться этою свободою внезапно... Слѣдовательно, сама необходимость указываетъ на мѣры переходныя. То есть: крѣпостныхъ слѣдуетъ подготовлять къ освобожденію постепенно, не усиливая въ нихъ желанія освобожденія, но открывая всѣ, возможные для того, пути». Эти пути дѣлятся Ростовцевымъ на три періода: 1) «безотлагательнаго умягченія крѣпостного права, 2) постепеннаго перехода крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные или въ свободные хлѣбопашцы и, наконецъ, уже 3) полной свободы всѣхъ крестьянъ въ Россіи (и помѣщичьихъ, и государственныхъ, и удѣльныхъ, и заводскихъ)».

Въ развитіи этого плана предлагается длинный рядъ мѣропріятій, изъ которыхъ большинство, однако, имѣетъ

лишь очень отдаленное отношеніе къ освобожденію. Такъ, эти мѣры: обезпечить и облагородить земскую полицію; возвысить власть и значеніе уѣздныхъ предводителей; образовать на мѣстахъ губернскій словесный судъ; учредить особое отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, гдѣ сосредоточить дѣла освобожденія; опредѣлить болѣе точными нормами отношеніе помѣщиковъ и крестьянъ; вѣчныя условія замѣнить срочными; разрѣшить увольнять въ обязанные по тайнымъ духовнымъ завѣщаніямъ, допускать продажу крестьянъ безъ земли только на свозъ съ обращеніемъ въ обязанные; запретить поголовную барщину; оградить право крестьянской собственности и право жалобы и т. п. Все это мѣры періода «умягченія» крѣпостного права. На дальнѣйшихъ мѣрахъ Ростовцевъ не останавливается, зато снова возвращается къ тому проекту обнародованія «успокоительнаго» указа, съ подтвержденіемъ крѣпостного права, который онъ предлагалъ во второмъ засѣданіи секретнаго комитета [1]). Объ основахъ и планѣ реформы, въ сущ-

[1]) Въ проектѣ «успокоительнаго указа» Ростовцева говорилось: «съ нѣкотораго времени начали въ народѣ распространяться слухи о томъ, будто бы въ состояніи помѣщичьихъ крестьянъ сдѣланы какія-то перемѣны, слухи эти распускаются людьми недобрыми, чтобы обмануть крестьянъ. Поставляя священною своею обязанностью заботиться, чтобы каждый изъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ спокойно жилъ въ томъ состояніи, въ которомъ Богъ и законъ его поставили, повелѣваемъ объявить всенародно: 1) что въ законахъ о помѣщичьихъ крестьянахъ не сдѣлано никакой перемѣны, 2) что помѣщичьи крестьяне должны повиноваться помѣщикамъ и быть въ ихъ распоряженіи попрежнему, на точномъ основаніи существующихъ законовъ, 3) что помѣщики, пользуясь своимъ правомъ, какъ закономъ поставлено, не имѣютъ причины опасаться за свою собственность». Далѣе подтверждается, что освобожденіе можетъ происходить лишь на прежнихъ основаніяхъ по правиламъ для обязанныхъ крестьянъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ и лишь по волѣ помѣщиковъ, и что правительство лишь желаетъ «къ большему обезпеченію обоюдныхъ пользъ..... правила сіи вновь

ности, совершенно не говорится, и ни одного основного вопроса ея не освѣщается.

Если таковы были идеи будущаго защитника освобожденія, то можно предвидѣть, каковы были проекты такого англизированнаго крѣпостника, какимъ представлялся кн. Гагаринъ. Зато, нужно отдать справедливость, его планъ реформы отличается гораздо большею ясностью, чѣмъ планъ Ростовцева [1]).

«Въ самодержавной Имперіи нашей свобода можетъ быть только лично дарована крестьянамъ безъ права на землю и должна состоять въ личномъ ихъ огражденіи отъ притѣсненій владѣльца». Такова исходная точка зрѣнія кн. Гагарина, которую онъ кладетъ въ основу дальнѣйшихъ своихъ разсужденій. Онъ протестуетъ противъ стремленія распространять и поощрять переходъ крестьянъ въ обязанные, такъ какъ при переходѣ имѣній въ обязанныя сильно понижается и падаетъ производительность ихъ. Защитникъ—вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ! — крупно-капиталистическаго производства Гагаринъ стоитъ противъ какой бы то ни было формы передачи земли крестьянамъ и дробленія крупнаго хозяйства на мелкое.

Поэтому планъ реформы рисуется Гагаринымъ какъ безземельное освобожденіе крестьянъ, за которыми остается лишь усадебная осѣдлость, какъ за классомъ безземельныхъ, не связанныхъ съ землей, батраковъ. Дарованіе помѣщикамъ права освобождать крестьянъ безъ

пересмотрѣть и, въ чемъ нужно, дополнить или исправить». Необходимость изданія «успокоительнаго» указа была принята большинствомъ голосовъ секретнаго комитета въ засѣданіи 17 января, но Государь согласился съ мнѣніемъ кн. Гагарина— отложить изданіе указа до выработки общихъ основъ реформы. Архивъ Госуд. Сов., журналы секретн. комит., т. I, журн. № 2.

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 9.

земли, соединяя въ себѣ, по мнѣнію Гагарина, всѣ гарантіи для личнаго освобожденія крестьянъ, не измѣняетъ хозяйственнаго быта ихъ, упрочиваетъ за помѣщикомъ право поземельной собственности, придаетъ вольному земледѣльческому труду правильность. Такое безземельное освобожденіе можетъ производиться даже безъ согласія крестьянъ. Единственнымъ для него условіемъ будетъ сохраненіе за крестьянами усадьбы въ цѣляхъ предупрежденія развитія пролетаріата. Далѣе, необходимо предоставленіе права покупки земли почетнымъ гражданамъ и личнымъ дворянамъ. Необходимо также предоставленіе всѣмъ сословіямъ права селить на своихъ земляхъ свободныхъ крестьянъ по обыкновеннымъ контрактамъ на условіяхъ аренднаго договора. Наконецъ, для развитія вообще свободныхъ земельныхъ отношеній желательно развитіе перевода имѣній въ казну съ правомъ полученія опредѣленнаго дохода безъ выплаты капитальной суммы, на подобіе французской rente sur le grand livre. Кромѣ того, необходимъ рядъ мѣръ для смягченія вообще безправнаго положенія крестьянъ и часто жестокостей въ обращеніи съ ними помѣщиковъ.

Таковы основныя мысли поземельнаго устройства крестьянъ по проекту кн. Гагарина. Хотя онъ набросанъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя о многихъ вопросахъ въ немъ совершенно умалчивается, однако, онъ представляется все же весьма опредѣленнымъ. Цѣлью его является созданіе милліоновъ поземельныхъ батраковъ, снимающихъ въ аренду или обрабатывающихъ по вольному найму помѣщичьи земли, которыя всѣ, даже и находящіяся въ пользованіи крестьянъ, за исключеніемъ лишь усадебъ, признаются собственностью помѣщика. Нельзя отрицать, что кн. Гагаринъ со своей точки зрѣ-

нія, пожалуй, правильно предугадалъ то, что по ходу экономическаго развитія въ ближайшемъ будущемъ должно было занять главное мѣсто въ помѣщичьихъ интересахъ: цѣнность земли. Выдвигая всегда въ своихъ проектахъ на первый планъ именно цѣнность земли, кн. Гагаринъ является во все время теченія реформы наиболѣе послѣдовательнымъ защитникомъ помѣщичьей земельной собственности, отобранія у крестьянъ возможно большаго количества земли, полнаго обезземелія ихъ или, по крайней мѣрѣ, надѣленія наименьшимъ количествомъ земли. Поэтому то, когда не нашелъ осуществленія этотъ его начальный проектъ безземельнаго освобожденія, онъ съ неменьшей послѣдовательностью, но уже съ большимъ успѣхомъ въ самые послѣдніе дни реформы успѣлъ добиться введенія въ положеніе извѣстныхъ «нищенскихъ», «гагаринскихъ» надѣловъ.

Записка третьяго члена пріуготовительной коммисіи, бар. Корфа, была наиболѣе краткой [1]). Никакихъ плановъ освобожденія онъ не даетъ, считая, что коммисія сановниковъ, далекихъ отъ жизни, ничего не можетъ сдѣлать. Для правильной постановки дѣла, по мнѣнію Корфа, необходима работа особыхъ экспертовъ съ мѣстъ; поэтому онъ предлагаетъ учредить губернскія совѣщанія изъ представителей знающаго дѣло мѣстнаго дворянства и потребовать отъ нихъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ заключенія по поводу осуществленія реформы, согласно указанію извѣстнаго рескрипта Вел. Кн. Еленѣ Павловны по поводу освобожденія ея крестьянъ.

Что хотѣлъ добиться такой постановкой вопроса бар. Корфъ? Общественное мнѣніе считало его если не убѣжденнымъ крѣпостникомъ, то, во всякомъ случаѣ, и

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. ком., т. 9, записка бар. Корфа, 16 апрѣля 1857 года.

не защитникомъ освобожденія. Между тѣмъ выносить вопросъ изъ стѣнъ «секретнаго комитета» было вовсе не въ интересахъ крѣпостной партіи. Можетъ быть, бар. Корфъ надѣялся на отрицательныя показанія этихъ мѣстныхъ совѣщаній или на отсрочку съ помощью ихъ освобожденія. Его записка не даетъ возможности разрѣшить эти вопросы: въ ней чувствуется лишь желаніе достичь извѣстной опредѣленности положенія и желаніе поставить дѣло на правильную почву. «Посмотримъ же, наконецъ, дѣлу прямо въ глаза; перестанемъ все и всего бояться; создадимъ, если еще не тотчасъ, что-нибудь положительное и окончательное, то, по крайней мѣрѣ, полный къ тому планъ; бросимъ полумѣры и призраки мѣръ»— такъ заканчиваетъ бар. Корфъ свою записку. Иначе, по его мнѣнію, судьба новаго секретнаго комитета будетъ такова же, какъ и судьба предшествовавшихъ восьми.

Таковы были результаты полугодовой работы пріуготовительной коммисіи. Во всякомъ случаѣ, они не разъяснили вопроса, но только обнаружили его сложность, пожалуй, даже еще болѣе запутали его. Правительство оставалось съ такими же пустыми руками, какъ и раньше. Одинъ, наиболѣе подробный проектъ предлагалъ разработку старыхъ законоположеній, въ примѣненіи которыхъ всѣ извѣрились; или такой бюрократическій путь учрежденія особой канцеляріи для выработки въ ней плана освобожденія, съ которымъ не соглашался даже никто изъ самихъ бюрократовъ. Другой предлагалъ проектъ, на осуществленіе котораго правительство не рѣшалось, опасаясь обезземеленія милліоновъ народа. Третій предлагалъ путь, на который руководившая въ комитетѣ партія встать не рѣшалась, такъ какъ хорошо понимала, что секретный комитетъ закрыть всегда можно, а съ пути гласности—возврата нѣтъ.

Изъ членовъ секретнаго комитета съ предложеніемъ Корфа былъ согласенъ лишь одинъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской. Въ своей запискѣ [1]) по поводу проектовъ трехъ членовъ онъ считаетъ его «самымъ основательнымъ». Мы видѣли, что самъ Ланской еще въ 1856 г. во всеподданнѣйшей запискѣ, послужившей къ образованію секретнаго комитета, настаивалъ на необходимости образованія особыхъ мѣстныхъ комитетовъ для выработки условій освобожденія. То же повторяетъ онъ и въ своей критикѣ на записки трехъ членовъ. Онъ не соглашается съ Корфомъ лишь въ томъ отношеніи, что не считаетъ возможнымъ все дѣло выработки проекта реформы предоставить въ мѣстные комитеты. По его мнѣнію, общія начала должны быть указаны и разработаны въ центральномъ органѣ. «Трудно предположить,—говоритъ Ланской, обсуждая вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею,—чтобы большинство дворянства рѣшило эти вопросы противъ себя, а какъ другая сторона, т. е. крестьяне, къ обсужденію сихъ вопросовъ призвана быть неможетъ, то и слѣдуетъ, прежде всего, ихъ здѣсь рѣшить».

Записки трехъ членовъ коммисіи были прочтены всѣми участниками комитета; большинство ихъ оказалось болѣе или менѣе согласно съ предложеніями Ростовцева, за исключеніемъ отвергнутаго всѣми учрежденія особой канцеляріи, частью съ предложеніями кн. Гагарина. Всѣ обращали вниманіе на необходимость «постепенности», какъ на первое условіе реформы, сводимой, пожалуй, не къ освобожденію, а къ «умягченію крѣпостного права». Эта постепенность гарантировала для членовъ комитета отсрочку вопроса; поэтому, можетъ быть, проектъ Ростовцева и нашелъ наибольшее

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 9, «Критика на записку трехъ членовъ» Ланского.

сочувствіе. Поэтому же и предложеніе Корфа къ образованію мѣстныхъ комитетовъ раздѣлялось не всѣми. Глава комитета кн. Орловъ, представляя 21 іюля всѣ матеріалы Государю, писалъ и свое рѣшительное заключеніе противъ образованія губернскихъ комитетовъ [1]).

Пребываніе Государя заграницей оказало, повидимому, рѣшительное вліяніе на нѣкоторыя его намѣренія. Молва приписывала въ этомъ большую роль Вильгельму Прусскому, Гакстгаузену и др. Заключеніе членовъ комитета и его стремленіе къ проволочкамъ настолько противорѣчили этимъ намѣреніямъ, что результаты просмотра Государемъ работъ комитета оказались неожиданными для его членовъ. На всеподданнѣйшемъ представленіи кн. Орлова Государь положилъ резолюцію: «Я прочелъ всѣ бумаги съ большимъ вниманіемъ и воспользовался пребываніемъ гр. Кисилева въ Киссингенѣ, чтобы, ознакомивъ его съ теперешнимъ ходомъ сего дѣла, узнать его мнѣніе, изложенное въ прилагаемой здѣсь запискѣ. Вы найдете также здѣсь довольно замѣчательную записку, представленную кн. Горчакову извѣстнымъ Гакстгаузеномъ. Изъ чтенія всѣхъ этихъ бумагъ я еще болѣе убѣдился, какъ дѣло это трудно и сложно, но при всемъ томъ я желаю и требую отъ вашего комитета общаго заключенія, какъ къ сему приступить, не откладывая онаго подъ разными предлогами въ долгій ящикъ. Гакстгаузенъ отгадалъ мое главное опасеніе, чтобы дѣло не началось само собой снизу» [2]).

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 9, всеподд. записка Орлова.

[2]) Собственноручная резолюція Государя на всеподданнѣйшей запискѣ кн. Орлова 21 іюля 1857 г.; слова «желаю и требую» и далѣе, начиная съ «общаго заключенія...» до конца, подчеркнуты; слова «подъ разными предлогами въ долгій ящикъ» подчеркнуты два раза. Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комитета, т. 9.

Это было первое неудовольствіе, первое разногласіе между Государемъ и исполнителями его желаній. Рѣшительный и опредѣленный тонъ резолюціи не могъ, конечно, не произвести впечатлѣнія. Каковы были результаты его—мы увидимъ впослѣдствіи. Теперь же посмотримъ, что именно побудило Государя потребовать отъ комитета рѣшительныхъ дѣйствій.

Каково же именно то мѣсто записки Гакстгаузена, о которой упоминается въ резолюціи, и которое обратило особое вниманіе Государя? Обсуждая необходимость и неизбѣжность освобожденія крестьянъ въ Россіи, Гакстгаузенъ замѣчаетъ: «я говорю это, дабы напомнить, что и въ Россіи нельзя остановиться на полупути; что невозможно важнѣйшіе вопросы народнаго существованія предоставить ихъ собственному развитію, что правительство обязано первое принять въ нихъ обдуманное и дѣятельное участіе, дабы событія, опередивъ его, не завладѣли браздами и не вырвали бы отъ него уступокъ, которыя повлекли бы къ его паденію». Противъ этого мѣста Государемъ и написано: «Совершенно справедливо, и въ этомъ моя главная забота» [1]).

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ общими эмансипаціонными идеями, которыя, повидимому, также получили въ мысляхъ Государя развитіе во время путешествія его заграницей, усилились и его опасенія за возможность «освобожденія снизу». Эти опасенія, и раньше высказывавшіяся Государемъ, должны были возрастать по мѣрѣ того, какъ дѣло явно оттягивалось сановными противниками реформы. И неизвѣстно, не было ли бы и на этотъ разъ сломлено сопротивленіемъ крѣпостниковъ желаніе правительства произвести реформу, если бы его вмѣстѣ съ тѣмъ не страшила возможность «освобожде-

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 9.

нія снизу», возможность революціи. Внѣшнее пораженіе, разочарованіе въ силѣ войска должно было усилить и эту боязнь революціи, боязнь паденія. Но въ этомъ пунктѣ правительство и помѣщики уже не могли вполнѣ понимать другъ друга и расходились въ оцѣнкѣ положенія: для перваго вопросъ объ освобожденіи становился вопросомъ государственнымъ, для послѣднихъ ихъ вотчинныя права и экономическія выгоды заслоняли все. И даже боязнь революціи у правительства они старались использовать въ другую сторону—запугиваніемъ его въ случаѣ освобожденія крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, отсюда начинается уже болѣе явное и откровенное сопротивленіе крѣпостниковъ эмансипаціоннымъ намѣреніямъ правительства.

Полученная въ концѣ іюля приведенная выше резолюція должна была встряхнуть комитетъ. Его предсѣдатель прежде всего обязывался хоть въ чемъ-нибудь проявить свою дѣятельность; долженъ былъ пробудиться и главный, но бездѣятельный, защитникъ освобожденія—Ланской. Въ теченіе недѣли же послѣ резолюціи, совмѣстно, они составляютъ: предсѣдатель—извѣстные вопросы объ основахъ реформы, обращенные къ членамъ комитета; министръ внутреннихъ дѣлъ—свой проектъ этихъ общихъ основъ. Все это было 30 іюля разослано на разсмотрѣніе членовъ комитета съ требованіемъ представить отвѣты не позже середины августа. О такомъ подвигѣ начала работъ кн. Орловъ тотчасъ же спѣшитъ представить Государю [1]).

Вопросы, представленные 30 іюля [2]) на обсужденіе

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 13, дѣло № 8, Всеподд. записка кн. Орлова, 30 іюля 1857 г.

[2]) Слѣд. они были предложены членамъ секретнаго комитета раньше рѣшительныхъ августовскихъ засѣданій, а не «для исполненія журнала 18 августа», какъ говоритъ Иваніюковъ, l. c., стр. 19.

членовъ комитета, извѣстны. Они касались самыхъ основныхъ и начальныхъ стадій реформы, начинаясь именно съ того вопроса, который былъ предложенъ Государемъ еще 3 января, и показывая этимъ, что за 7 мѣсяцевъ дѣло дѣйствительно ни на шагъ не ушло впередъ. Въ то же время они свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи всякаго опредѣленнаго плана и у самого правительства. Первые 8 главныхъ вопросовъ, дополненные впослѣдствіи еще 5 менѣе существенными, были: 1) должно ли приступить теперь же къ общимъ мѣрамъ для освобожденія крѣпостного сословія или слѣдуетъ ограничиться однѣми частными и переходными мѣрами? Слѣдуетъ ли при этомъ сохранить помѣщикамъ право полной собственности на землю или отдать крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, или только усадебныя, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія помѣщика? Слѣдуетъ ли допустить общинное начало въ распоряженіи крестьянъ землею или нѣтъ? Слѣдуетъ ли сверхъ нынѣшнихъ способовъ освобожденія по обоюднымъ соглашеніямъ и съ землею даровать помѣщикамъ право освобождать безъ земли и безъ согласія крестьянъ? Должно ли ограничиться пересмотромъ настоящихъ законовъ о хлѣбопашцахъ и пр. или допускать освобожденіе на новыхъ условіяхъ? Какимъ порядкомъ приступить къ освобожденію: предоставить ли разработку началъ дворянству каждой губерніи или центральному правительству? Слѣдуетъ ли принимать предварительныя мѣры умягченія крѣпостного права? Нужны ли предварительно: учрежденіе особаго отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи; мѣры для усиленія мѣстныхъ властей; изданіе указа въ цѣляхъ успокоенія помѣщиковъ и крестьянъ?

Вѣроятно, чтобы избѣжать новаго крупнаго разногласія между членами и хоть нѣсколько выяснить взгляды

правительства, вмѣстѣ съ этими вопросами членамъ комитета была представлена особая записка объ основахъ реформы, составленная въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ [1]). Эта записка представляетъ первое оффиціальное и документальное изложеніе основъ реформы. Правда, взгляды правительства на многіе вопросы здѣсь представляются еще совершенно невыясненными; но, съ другой стороны, нѣкоторые вопросы эта записка излагаетъ и предлагаетъ рѣшить безъ тѣхъ возвышенныхъ прикрасъ и безъ той лжи, которая впослѣдствіи получила санкцію въ правительственныхъ актахъ.

Записка исходитъ изъ той безусловной предпосылки, что земли составляютъ неотъемлемую собственность помѣщика; онъ можетъ удалить съ нея всѣхъ поселенныхъ на ней крестьянъ. Но это безусловное право помѣщика стоитъ въ противорѣчіи съ политическими видами и заботами правительства, которое должно стремиться сохранить за крестьянами пользованіе землею «подъ непремѣннымъ условіемъ платы за нее деньгами или работою». Впослѣдствіи можно предоставить крестьянамъ выкупить или пріобрѣсти въ собственность землю, которая будетъ предоставлена крестьянамъ въ условное пользованіе. Могутъ ли помѣщики получить выкупъ за личность крѣпостныхъ крестьянъ? «Право собственности помѣщика на личность крестьянъ не подлежитъ спору»,—говоритъ авторъ записки,—но выкупъ личности все же невозможенъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ по соображеніямъ финансовымъ. Но это и не такъ опасно и разорительно для помѣщиковъ: главную цѣнность имѣній представляетъ не личность крестьянъ, а земля, и потому «освобожденіе крестьянъ безъ земли вовсе не

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. комит., т. 13, дѣло № 8.

будетъ разорительно, а для нѣкоторыхъ владѣльцевъ (плодородныхъ губерній) оно даже принесетъ выгоду въ весьма скоромъ времени». Не такъ выгодно будетъ освобожденіе въ сѣверныхъ губерніяхъ, но установить разные способы освобожденія неудобно: «нельзя ярославскаго или вологодскаго крестьянина заставить выкупить свою свободу, если она будетъ безвозмездно дарована жителямъ Курской или Воронежской губ.»... «Есть предметъ, который для поселянина важнѣе почвы, его питающей: это жилище»... «Эту собственность, этотъ участокъ со всѣмъ на немъ находящимся, крестьяне должны пріобрѣсти не иначе, какъ покупкою»... «Вотъ обстоятельство, при которомъ, не нарушая началъ, можно выравнивать вознагражденіе помѣщикамъ за предстоящія имъ потери. Въ губерніяхъ черноземныхъ количество усадебной земли можно уменьшить до послѣдней крайности и плату за нее, равно и за строенія, на ней находящіяся, положить въ дѣйствительной или самой умѣренной стоимости, имѣя въ виду, что въ этихъ странахъ жилища плохи, малоцѣнны, земли же дороги; а крестьяне, бѣдные деньгами, не въ состояніи вынести высокихъ платежей, да и нѣтъ къ тому побудительной причины, потому что здѣсь освобожденіе ихъ не разоритъ помѣщиковъ. Напротивъ того, въ губерніяхъ сѣверныхъ усадьбы цѣнны, земли неплодородны, а доходъ помѣщиковъ состоитъ въ оброкѣ съ личныхъ силъ крестьянъ, которые большею частью здѣсь зажиточны и легко добываютъ деньги; а потому здѣсь количество усадебной земли можно увеличивать и стоимость ея вмѣстѣ со строеніями довести до того, чтобы помѣщикъ былъ достаточно вознагражденъ за потерю крестьянъ, составляющихъ главный его капиталъ».

Такимъ образомъ, правительственная записка откровенно шла навстрѣчу помѣщичьимъ интересамъ и, казалось бы, могла удовлетворить даже самыхъ ярыхъ защитниковъ крѣпостного права, подсказавъ имъ способъ и пути съ выгодой для себя ликвидировать то, что даже, и по мнѣнію крѣпостниковъ, было не прочно.

Въ томъ же тонѣ были составлены и отвѣты министра внутреннихъ дѣлъ на упомянутые вопросы. Приступать къ освобожденію въ настоящее время, по его мнѣнію, не слѣдуетъ, нужно ограничиться пока лишь переходными мѣрами. Помѣщики, какъ сказано и въ запискѣ, сохраняютъ не только право на землю, но и вотчинную власть; часть земли крестьяне получаютъ за соотвѣтствующее вознагражденіе. Но необходимо даровать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ безъ земли и безъ испрашиванія ихъ согласія на то. Составленіе общихъ началъ освобожденія необходимо оставить за центральнымъ правительствомъ, но привлечь къ работѣ слѣдуетъ также и мѣстные дворянскіе органы. Предварительно, въ видѣ мѣры «умягченія», необходимо обратиться съ соотвѣтствующимъ циркуляромъ къ предводителямъ дворянства, а въ видѣ мѣры «успокоенія» — усилить власть мѣстной администраціи.

Предложенія министерства внутреннихъ дѣлъ въ общемъ удовлетворили большинство комитета. Новый членъ комитета великій князь Константинъ, Ростовцевъ, Чевкинъ, даже отчасти Блудовъ и Адлербергъ, въ общемъ, принимаютъ съ тѣми или иными оговорками мнѣніе Ланского о необходимости постепеннаго освобожденія крестьянъ съ предоставленіемъ имъ права пользованія землею, а по добровольнымъ соглашеніямъ — и безъ земли; о необходимости приступить теперь же къ выработкѣ общихъ положеній освобожденія и т. п. Ого-

ворки нѣкоторыхъ этихъ членовъ, впрочемъ, весьма существенны и характерны.

Такъ, Ростовцевъ предлагаетъ въ настоящее время непремѣнно ограничиться лишь переходными мѣрами. Чевкинъ не согласенъ съ Ланскимъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что считаетъ опаснымъ дозволеніе безземельнаго освобожденія по обоюднымъ соглашеніямъ.

Блудовъ считаетъ пока необходимымъ издать лишь правила «для умягченія крѣпостного права», а затѣмъ, «издавъ эти правила, необходимо присовокупить, что крѣпостные люди во всѣхъ этихъ отношеніяхъ остаются въ прежнемъ положеніи». Во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы «помѣщикъ при освобожденіи крестьянъ остался при возможно прежнемъ достаткѣ» и получилъ вознагражденіе не только за землю, «но и за рабочія силы, которыхъ онъ долженъ будетъ лишиться». Таковъ «планъ реформы освобожденія» Блудова. Повидимому, однако, онъ самъ сознавалъ, что его предложенія мало похожи на планъ «освобожденія», и потому во второй дополнительной запискѣ онъ представилъ новое мнѣніе съ планомъ проведенія освобожденія, близкимъ къ проектамъ безземельнаго освобожденія Гагарина [1]).

Записки Гагарина и Корфа отличались, какъ всегда, наибольшей опредѣленностью. По мнѣнію Гагарина [2]), настоящей задачей правительства является не выработка «общей государственной стези освобожденія», но «установленія разныхъ частныхъ мѣръ перехода къ вольности». Вопросъ о правѣ собственности на землю Гагаринъ считаетъ настолько неудачнымъ

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. ком., т. 13, 2 записки Блудова.
[2]) Тамъ же, отвѣтъ Гагарина.

что даже одно «возбужденіе вопроса навлечетъ на правительство неудовольствіе обѣихъ сторонъ». Земля—неоспоримая собственность помѣщиковъ. Помѣщикамъ необходимо предоставить право освобожденія крестьянъ безъ земли и безъ согласія на то крестьянъ; приступать къ выработкѣ общихъ началъ освобожденія не слѣдуетъ, пока развитіе добровольныхъ сдѣлокъ освобожденія не выяснитъ тѣ или иныя плохія и хорошія стороны реформы. Поэтому необходимо: 1) «Не заботясь о составленіи подробнаго и общаго для всего государства закона, опредѣлить частныя переходныя мѣры, т. е. на указанныхъ основаніяхъ расширить стези особожденія». 2) «Предоставить помѣщикамъ избраніе той или другой стези, съ утвержденія властей». 3) «Въ продолженіе того числа лѣтъ, которое по ходу дѣла правительствомъ будетъ назначено, ожидать отъ добровольнаго приложенія новыхъ началъ тѣхъ фактовъ, которые безошибочнѣе всякой теоріи разъяснятъ, какое дальнѣйшее направленіе должно принять настоящее дѣло». 4) «Даровать крестьянамъ: а) права семейныя воспрещеніемъ помѣщикамъ вмѣшиваться въ исправленіе рекрутской повинности и брака, б) права собственности на имущества движимыя и недвижимыя безъ испрошенія согласія помѣщиковъ, в) право жалобы на помѣщиковъ только въ нарушеніе правъ собственности и семейныхъ, г) воспретить переводъ крестьянъ съ пашни во дворъ, переселеніе въ Сибирь и помѣщеніе въ арестантскія роты безъ суда». 5) Закрывъ секретный комитетъ, учредить коммисію изъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта для окончательнаго разрѣшенія затрудненій, которыя можетъ встрѣтить министерство внутреннихъ дѣлъ при примѣненіи началъ перехода.

Не менѣе опредѣленны и въ общемъ такого же со-

держанія отвѣты бар. Корфа [1]). «Положительно можно отвѣтить,—говоритъ бар. Корфъ,—что ни правительство, ни помѣщики, ни крѣпостные не готовы къ освобожденію. Помѣщики далеки еще отъ сознанія, чтобы надо и должно было прекратить существованіе у насъ крѣпостного состоянія... На соображенія о томъ правительства они смотрятъ почти какъ на революціонное начинаніе... Крѣпостные, конечно, желаютъ свободы, но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ, чтобы удержать за собой земли, которыя и теперь, вопреки всѣмъ подтвержденіямъ закона, они считаютъ своими; въ томъ, чтобы ни на кого не работать, никому ничего не платить, словомъ, желаютъ необузданной вольницы». Поэтому необходимо «въ настоящую эпоху всѣ мѣры признать преждевременными и всякое о нихъ сужденіе прекратить. Впредь до совершенной перемѣны обстоятельствъ ограничиться однѣми мѣрами частными и переходными и вслѣдствіе того: а) не прикасаясь къ законамъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ поселянъ, предоставить помѣщикамъ, которые сами того пожелаютъ, опредѣлить отношенія свои къ крестьянамъ условіями, на обоюдномъ соглашеніи основанными, которыхъ проекты должны быть разсматриваемы и утверждены высшими губернскими властями (въ томъ составѣ, какъ комитетъ укажетъ), б) принять неотложно всѣ мѣры къ облегченію и умягченію нынѣшняго положенія крѣпостныхъ людей, какія при общемъ нашемъ совѣщаніи поставлены будутъ». Далѣе, по мнѣнію Корфа, необходимо внести выработанныя положенія въ Государственный Совѣтъ и, по утвержденіи ихъ, не издавая даже особаго указа, внести ихъ въ кодификаціонномъ порядкѣ въ новое изданіе свода законовъ. По исполненіи всего этого секретный комитетъ

[1]) Тамъ же, отвѣтъ бар. Корфа.

«неотложно закрыть», предварительно издавъ «успокоительный указъ».

Таковы были предварительные отвѣты членовъ комитета на поставленныя имъ требованія—«не откладывая въ долгій ящикъ», выработать общія начала освобожденія. Вмѣсто этого—объ освобожденіи никто не говоритъ: его замѣнили неопредѣленныя «переходныя мѣры», «постепенность», «стези умягченія» и т. п. Вмѣсто «неоткладыванія въ долгій ящикъ»—предлагается отложить вопросъ до совершенно неопредѣленнаго времени, до «выясненія» вопроса. Вмѣсто разработки государственнаго вопроса — упрекъ въ «революціонныхъ начинаніяхъ». Удивительнымъ представляется сопоставленіе эмансипаціонныхъ пышныхъ фразъ Корфа въ его запискѣ въ пріуготовительной коммисіи о безполезности полумѣръ съ категорическимъ отрицаніемъ не только общихъ мѣръ, но даже почти и всякихъ «полумѣръ» къ освобожденію: такъ, очевидно, подѣйствовало рѣшительно выраженное желаніе не фразъ, а дѣла.

Отвѣты на 8 наиболѣе важныхъ вопросовъ были представлены членами комитета 10—11 августа. Они и легли въ основу рѣшающаго засѣданія комитета 14—17 августа. Отвѣты на остальные шесть вопросовъ, представленные позже, обсуждали менѣе важныя стороны дѣла. Весьма характернымъ въ нихъ представляется, напр., мнѣніе о порядкѣ введенія реформы освобожденія: 4 члена высказались за изданіе только особаго указа, четыре же члена (Блудовъ, Адлербергъ, Гагаринъ, Корфъ) предлагали даже просто включить новыя положенія прямо въ новое изданіе свода законовъ. Настолько простой и даже незначущей представлялась комитету реформа освобожденія [1]).

[1]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. ком., т. 16.

Послѣ подобнаго предварительнаго обмѣна мнѣній комитетъ, побуждаемый Орловымъ по категорическому требованію Государя, собрался 14 и 17 августа въ рѣшительныя засѣданія для выработки плана и обсужденія основъ реформы. Можно предвидѣть, каковъ долженъ быть этотъ планъ и это обсужденіе.

Вотъ что гласитъ сухая и оффиціальная запись объ этомъ рѣшительномъ и даже, какъ говорили, бурномъ засѣданіи секретнаго комитета [1]).

...«Послѣ тщательнаго и подробнаго обсужденія всѣхъ вообще обстоятельствъ, до настоящаго дѣла относящихся, комитетъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ у насъ крестьянъ, что они вовсе не приготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы; что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, и что потому въ семъ важномъ государственномъ дѣлѣ надо дѣйствовать не вдругъ, но, какъ неоднократно уже указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, осторожно и благоразумно.

«Обращаясь къ порядку и способу дѣйствій въ дѣлѣ освобожденія крѣпостного сословія, комитетъ, принимая во вниманіе, что для общаго освобожденія крѣпостного сословія не только помѣщики и крестьяне, но даже само правительство въ настоящее время еще не приготовлены, считаетъ необходимымъ, прежде всего, приготовить все, что для этого будетъ нужно, и потомъ уже приступить къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, но приступить не вдругъ, а постепенно.

«Руководствуясь симъ правиломъ, комитетъ полагаетъ

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., Журналы секретн. комит., т. I журн. № 3 отъ 18 августа.

весь порядокъ дѣйствій для освобожденія крѣпостного сословія въ Россіи раздѣлить на три періода.

«Первый періодъ, по мнѣнію комитета, долженъ быть пріуготовительный. Въ продолженіе онаго правительство должно: всячески смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимые для постановленія тѣхъ мѣръ, кои должны быть впослѣдствіи приняты къ освобожденію крѣпостного сословія.

«Второй періодъ долженъ быть переходный. Въ продолженіе онаго правительство должно принять мѣры къ освобожденію крѣпостного сословія, но освобожденію не по взаимному уже соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, а обязательному, только не вдругъ, а постепенно, шагъ за шагомъ. Въ этотъ періодъ крестьяне должны постепенно пріобрѣтать личныя права людей свободнаго сословія, оставаясь болѣе или менѣе крѣпкими землѣ.

«Наконецъ, третій или послѣдній, періодъ долженъ быть окончательный, когда крестьяне, получивъ права личныя, будутъ поставлены въ отношеніяхъ своихъ къ помѣщикамъ, какъ люди совершенно свободные.

«Установивъ такимъ образомъ общій планъ всѣхъ дѣйствій правительства въ дѣлѣ общаго освобожденія крѣпостного сословія, комитетъ считаетъ необходимымъ указать тѣ частныя мѣры, кои въ каждомъ періодѣ должны быть правительствомъ приняты.

«По мнѣнію комитета, въ первомъ или пріуготовительномъ періодѣ правительство должно:

1) Принять, прежде всего, мѣры для смягченія или облегченія крѣпостного сословія. Комитетъ, принимая во вниманіе, что общее освобожденіе крѣпостного сословія тѣми способами, кои будутъ для этого избраны, не можетъ послѣ-

довать въ скоромъ времени, призналъ, что теперь же необходимо принять всѣ возможныя мѣры для смягченія или облегченія того положенія, въ коемъ находятся крѣпостные люди, но смягченія такого, которое не прекращало бы ихъ теперешнихъ отношеній къ помѣщикамъ и не ослабляло бы власти сихъ послѣднихъ.

2) Открыть помѣщикамъ всѣ средства для увольненія крестьянъ по взаимному съ ними соглашенію... Вслѣдствіе сего комитетъ положилъ: 1) не отмѣняя законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, предоставить каждому помѣщику, желающему отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или частями селеній, заключать съ крестьянами условія по обоюдному ихъ соглашенію, не стѣсняясь правилами, въ означенныхъ двухъ законахъ предположенными, и условія сіи представить, черезъ предводителей дворянства и губернаторовъ, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; 2) при составленіи сихъ условій принять за правило, чтобы: а) крестьянамъ была оставлена осѣдлость; б) въ условіяхъ были обезпечены способы какъ для существованія увольняемыхъ крестьянъ, такъ и для выполненія тѣхъ обязанностей, кои будутъ ими приняты предъ помѣщикомъ, и в) была также обезпечена уплата податей и денежныхъ сборовъ съ переложеніемъ ихъ на всю вообще землю какъ отдѣляемую крестьянамъ, такъ и оставляемую во владѣніи помѣщиковъ. Затѣмъ всѣ натуральныя повинности должны быть отправляемы крестьянами; 3) вмѣнить въ обязанность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не затруднять, но всемѣрно стараться поощрять взаимныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами и затѣмъ заключенныя между ними условія представлять на Высочайшее утвержденіе Вашего Императорскаго Величества

существующимъ нынѣ порядкомъ черезъ Комитетъ Министровъ; 4) крестьянъ, кои, такимъ образомъ, будутъ уволены, не подчинять попечительству Министерства Государственныхъ Имуществъ, но оставлять въ вѣдѣніи общаго губернскаго управленія, и 5) на сихъ основаніяхъ, если оныя будутъ одобрены Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, составить въ настоящемъ комитетѣ проектъ особаго указа Правительствующему Сенату, который и представить къ утвержденію и подписанію Вашего Величества въ то время, когда будетъ представлено заключеніе комитета о мѣрахъ, предположенныхъ онымъ для смягченія и облегченія крѣпостного сословія, дабы оба постановленія могли быть изданы въ одно и то же время.

«Открывая, такимъ образомъ, помѣщикамъ способы входить въ соглашеніе съ крестьянами относительно увольненія ихъ, одинъ членъ комитета, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Гагаринъ, въ то же время считаетъ необходимымъ даровать помѣщикамъ возможность увольнять крестьянъ безъ заключенія особыхъ съ ними условій, но съ соблюденіемъ одного только правила: чтобы крестьянамъ оставлена была ихъ осѣдлость. Много случаевъ было, что крестьяне, несмотря на самыя выгодныя предложенія помѣщиковъ, отказывались отъ заключенія съ ними условій: въ этомъ случаѣ остается помѣщику уволить ихъ безъ всякихъ условій. Существующіе законы этого нынѣ не разрѣшаютъ; поэтому князь Гагаринъ считаетъ необходимымъ, для успѣха въ дѣлѣ общаго освобожденія крѣпостного сословія, непремѣнно предоставить такое право помѣщику съ ограниченіемъ, имъ нынѣ предлагаемымъ... При введеніи въ дѣйствіе настоящей мѣры помѣщикъ безъ всякаго побужденія, безъ всякаго даже вознагражденія, по собственному усмотрѣнію, отрекается отъ всѣхъ правъ на крѣпостныхъ людей,

отъ ихъ труда и работы, отъ ихъ усадебной, огородной и выгонной земли; крестьяне симъ путемъ получаютъ полную свободу и личныя права, сохраняя кровъ и полную осѣдлость въ домашнемъ быту. Имъ открывается возможность употреблять свой вольный и свободный трудъ для прокормленія себя или земледѣліемъ или промыслами, по своимъ способностямъ и охотѣ. Помѣщику всегда будетъ выгоднѣе отдавать свои пахотныя земли въ аренду или въ наемъ уволеннымъ крестьянамъ, какъ ближайшимъ и, слѣдовательно, выгоднѣйшимъ работникамъ. Отъ воли сихъ крестьянъ будетъ зависѣть нанять землю или наняться у своего прежняго помѣщика или у другого. Зависимости отъ прежняго помѣщика нѣтъ и быть не можетъ: крестьяне вольны взять у него землю или не брать оной вовсе. Мѣра сія, представляя удобства для обѣихъ сторонъ, выгодна для правительства въ томъ еще отношеніи, что укажетъ опытъ примѣненія на дѣлѣ тѣхъ основаній, кои могутъ быть приняты для будущаго общаго освобожденія крѣпостного у насъ сословія. Вслѣдствіе сего князь Гагаринъ полагаетъ даровать помѣщикамъ право увольнять крестьянъ цѣлыми селеніями или частями селеній по собственному своему усмотрѣнію, безъ заключенія съ ними условій, но съ соблюденіемъ непремѣннаго правила, чтобы крестьянамъ при этомъ увольненіи всегда оставляема была въ полную собственность ихъ осѣдлость, то есть крестьянскія строенія и земли усадебныя и огородныя, а также право на выгонъ. Прочіе члены комитета, принимая во вниманіе, что въ первомъ или пріуготовительномъ періодѣ настоящаго дѣла предполагается допускать увольненіе крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или частями селеній не иначе, какъ по взаимному съ ними соглашенію, и признавая, что предположеніе князя Гагарина о дозволеніи помѣщикамъ

увольнять крестьянъ безъ условій съ ними, слѣдовательно безъ взаимнаго съ ними соглашенія, дѣлаетъ это увольненіе для крестьянъ обязательнымъ, полагаютъ ограничиться въ настоящее время разрѣшеніемъ заключать взаимныя условія между помѣщиками и крестьянами на основаніяхъ, выше изложенныхъ.

«3) Собрать свѣдѣнія и приготовить матеріалы, необходимые для указанія тѣхъ мѣръ, кои должны быть приняты во второмъ, то есть переходномъ, періодѣ. Комитетъ, принимая во вниманіе, что, по чрезвычайной важности сихъ мѣръ, онѣ должны быть основаны на данныхъ положительно вѣрныхъ и особенно на фактахъ, указанныхъ опытомъ, а также имѣя въ виду рѣшительный недостатокъ сихъ данныхъ и фактовъ, признаетъ существенно необходимымъ озаботиться собраніемъ ихъ въ теченіе перваго или пріуготовительнаго періода... Въ комитетѣ возбуждена была мысль: не опредѣлить ли Министерству какой-либо срокъ для собранія всѣхъ означенныхъ выше свѣдѣній и матеріаловъ, но комитетъ по тщательномъ обсужденіи сего предположенія нашелъ, что важнѣйшія и даже, можетъ быть, самыя практическія данныя должны быть извлечены Министерствомъ изъ взаимныхъ условій, кои могутъ быть заключены между помѣщиками и крестьянами, и что назначеніе какого-либо срока можетъ воспрепятствовать успѣху сихъ условій, такъ какъ помѣщики и крестьяне, узнавъ объ ономъ, будутъ ждать измѣненій ихъ отношеній по указанію правительства, а потому откажутся отъ добровольныхъ сдѣлокъ и не рѣшатся заключать оныя.

«Вслѣдствіе сихъ разсужденій комитетъ полагаетъ: 1) вмѣнить въ обязанность Министру Внутреннихъ Дѣлъ: собрать всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для опредѣленія будущихъ отношеній между помѣщиками и

крестьянами, во второмъ или переходномъ періодѣ настоящаго дѣла; извлекать факты и вообще приготовить матеріалы, по которымъ правительство могло бы въ свое время приступить къ дѣйствіямъ въ этомъ второмъ періодѣ; 2) разрѣшить Министерству требовать не только свѣдѣнія, но даже мнѣнія, мысли и предположенія отъ губернскихъ начальствъ: губернаторовъ и предводителей, отъ мѣстныхъ помѣщиковъ и вообще отъ всѣхъ тѣхъ, практическія свѣдѣнія коихъ могутъ быть полезны не только для опредѣленія главныхъ началъ, но и для указанія подробныхъ переходныхъ мѣръ, съ тѣмъ только, чтобы Министерство дѣйствовало при этомъ со всевозможною осторожностью и благоразумiемъ, и 3) для соображеній Министерства передать оному всѣ тѣ мысли и замѣчанія, кои сообщены нѣкоторыми членами настоящаго комитета относительно собранія свѣдѣній и матеріаловъ, необходимыхъ для указанія будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.

«Когда означенныя выше свѣдѣнія и факты будутъ собраны, тогда и только тогда правительство можетъ приступить къ опредѣленію и указанію всѣхъ мѣръ переходныхъ. Такимъ образомъ, при этомъ порядкѣ дѣйствій въ первомъ или пріуготовительномъ періодѣ крѣпостное сословіе все вообще получитъ такія облегченія, которыя выведутъ крѣпостныхъ людей изъ состоянія рабства, помѣщикамъ откроются пути или, такъ сказать, развяжутся руки отпускать своихъ крестьянъ на волю по своему ближайшему усмотрѣнію, а правительство, наблюдая за такими добровольными соглашеніями между помѣщиками и крестьянами, поощряя ихъ и содѣйствуя ихъ заключенію, получитъ возможность извлечь изъ этого всѣ нужныя ему свѣдѣнія и данныя. Такимъ образомъ, дѣло общаго освобожденія крѣпост-

ного сословія не будетъ упущено изъ вида правительства: оно будетъ готовиться къ этому дѣлу, будетъ собирать свѣдѣнія, будетъ обрабатывать матеріалы, однимъ словомъ, будетъ идти къ своей цѣли, но будетъ идти постепенно и осторожно, какъ указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

«Порядокъ дѣйствія правительства во второмъ или переходномъ періодѣ общаго дѣла по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи будетъ указанъ и опредѣленъ во всей подробности только тогда, когда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ соберетъ всѣ необходимые для этого свѣдѣнія, данныя и факты.

«Наконецъ, порядокъ дѣйствій правительства въ третій или исполнительный и окончательный періодъ будетъ истекать изъ тѣхъ основаній, кои будутъ приняты для дѣйствій во второмъ, то-есть переходномъ періодѣ».

Въ этомъ журналѣ все представляется въ высшей степени характернымъ. Лучшей характеристикой комитета, призваннаго выработать планъ освобожденія, является, конечно, его рѣшительное заключеніе о «невозможности приступить къ общему освобожденію», которое не «можетъ послѣдовать въ скоромъ времени». Таковъ былъ единогласный отвѣтъ секретнаго комитета на приказаніе «не откладывать дѣло въ долгій ящикъ».

Дальнѣйшее развитіе комитетскаго «плана реформы» даетъ еще болѣе яркое освѣщеніе реформаторской поспѣшности секретнаго комитета: вся почти дѣятельность и задачи правительства исчерпываются принятіемъ мѣръ «умягченія» крѣпостного права, непрепятствованіемъ добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, да собираніемъ свѣдѣній. Характерно, что министру внутреннихъ дѣлъ даже не было назначено срока, къ которому нужно представить свѣдѣнія, какъ бы подска-

зывая этимъ, что спѣшить нечего. А между тѣмъ, какъ рѣшилъ комитетъ, «порядокъ дѣйствій во второмъ, или переходномъ, періодѣ будетъ указанъ и опредѣленъ только тогда, когда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ соберетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія».

Понятно поэтому, что при такихъ условіяхъ освобожденіе не могло «послѣдовать въ скоромъ времени». Да комитетъ совершенно и не думалъ заниматься составленіемъ плана реформы, какъ требовалъ этого Государь: въ цитированномъ обширномъ журналѣ засѣданій 14—17 августа обсужденіе вопроса о «собираніи свѣдѣній» и о прочихъ важныхъ, по мнѣнію комитета, вопросахъ реформы занимаетъ 73 листа, тогда какъ обсужденіе второго и третьяго окончательнаго періода вмѣстилось въ 15 строкъ.

Сличая этотъ оффиціальный журналъ секретнаго комитета съ приведенной выше запиской Ростовцева въ «пріуготовительной коммисіи», видно, что комитетъ находился подъ значительнымъ ея вліяніемъ: въ основаніе плана реформы легли тѣ же «три періода», которые пустилъ въ оборотъ Ростовцевъ и которые были потомъ восприняты и поддержаны Блудовымъ, Великимъ Княземъ Константиномъ, Ланскимъ и нѣк. др. членами. Но та постепенность и растянутость перваго періода, которая была замѣтна и у Ростовцева, въ секретномъ комитетѣ уже совершенно поглотила окончательный періодъ освобожденія. Прошло и предложеніе Ростовцева объ изданіи одновременно съ выработкой плана освобожденія и особаго успокоительнаго указа. Изъ предложеній Ростовцева не прошелъ лишь его проектъ объ учрежденіи особой канцеляріи, отвергнутый большинствомъ членовъ еще въ отзывахъ на вышеприведенные вопросы.

Зато не прошло и предложеніе Ланского объ обра-

зованіи мѣстныхъ комитетовъ для выработки условій реформы: вмѣсто этого секретный комитетъ разрѣшилъ лишь обращаться за пресловутыми «свѣдѣніями» къ предводителямъ дворянства, губернаторамъ или отдѣльнымъ лицамъ. Очевидно, комитетъ сильно стоялъ за келейный характеръ своихъ обсужденій и, во всякомъ случаѣ, допускалъ возможность лишь отдѣльныхъ частныхъ сношеній, но никакъ не расширенія обсужденій до такихъ предѣловъ, когда онъ не могъ уже не пріобрѣсти гласности.

Въ отношеніи поземельнаго устройства крестьянъ также не намѣчено было хоть сколько-нибудь опредѣленнаго плана: единственнымъ требованіемъ было поставлено: добровольность соглашеній, оставленіе крестьянамъ осѣдлости и обезпеченіе исправной уплаты податей и повинностей. Наконецъ, про самый главный и центральный вопросъ—объ освобожденіи крестьянъ—собственно ни слова не говорилось, и не намѣчалось ничего въ осуществленіе этого освобожденія. Но, во всякомъ случаѣ, главной основой освобожденія и поземельнаго устройства было—безземельность освобожденія и оставленія у крестьянъ лишь усадебъ.

Для полноты характеристики мнѣній членовъ комитета нужно добавить, что Муравьевъ, который въ это время былъ въ отъѣздѣ и не присутствовалъ на засѣданіи комитета, получивъ журналъ 18 августа въ Нижнемъ-Новгородѣ, подалъ особое мнѣніе, въ которомъ писалъ, что дѣло это хотя вообще и полезное, но преждевременное, и настоящее положеніе вещей должно продлиться еще долго.

Поэтому представляется пожалуй даже не совсѣмъ понятной та благопріятная резолюція Государя, которая была положена на журналѣ 18 августа [1]). При ясности

---

[1]) На подлинномъ журналѣ 18 августа собственноручная резолюція Государя: «Исполнить, относительно же разногласія

намѣреній секретнаго комитета она можетъ свидѣтельствовать развѣ только о томъ сопротивленіи, которое было оказано крѣпостной партіей освобожденію. Только при этомъ условіи достигнутые результаты можно считать дѣйствительно существенными, а въ проектируемой комитетомъ волокитѣ видѣть «дѣятельное участіе».

Таково было положеніе дѣла освобожденія въ августѣ 1857 года. Можно предположить, съ какою бы скоростью оно пошло и какъ бы скоро осуществилось, если бы дѣйствительно выполненъ былъ «планъ реформы» секретнаго комитета. Да самъ комитетъ и не торопился осуществлять свой планъ. Замѣчательно то, что послѣ августовскихъ засѣданій секретный комитетъ не собирался до ноября, когда ему было предложено на обсужденіе представленіе Назимова съ проектомъ «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ» въ сѣверо-западныхъ губеріяхъ. Этотъ проектъ, а особенно дальнѣйшія событія, связанныя съ опубликованіемъ извѣстнаго рескрипта Назимова были для секретнаго комитета какимъ то deus ex machina, разомъ перемѣнившимъ всѣ планы и намѣренія секретнаго комитета.

Правда, какъ значится въ журналѣ комитета, онъ самъ предполагалъ дать рескрипту нѣкоторую гласность, напечатавъ его въ оффиціальной части журнала министерства внутреннихъ дѣлъ. Но мотивомъ этой мѣры явилось лишь желаніе «успокоить дворянство внутреннихъ губерній, встревоженное разными неосновательными слухами и показать ему, что правительство не имѣетъ

раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это дѣло съ должною осторожностью къ желанному результату. Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается даннаго жизненнаго вопроса». Архивъ Госуд. Сов. Журналы секрет. комит., т. I., журн. № 3.

въ виду разрѣшать окончательно подробности общаго дѣла по освобожденію крѣпостного сословія безъ обсужденія ихъ на мѣстѣ людьми опытными и знающими, и не желаетъ лишать помѣщиковъ правъ собственности на землю» [1]). Это скромное предположеніе комитета не нашло осуществленія. Рескрипты получили неожиданно для него болѣе широкую гласность и распространеніе, и вмѣсто «успокоенія» дворянство внутреннихъ губерній не могло ихъ понять иначе, какъ прямое предложеніе правительства слѣдовать примѣру сѣверо-западныхъ дворянъ.

Это послѣднее средство—обращеніе къ гласности, къ которому прибѣгло въ этомъ случаѣ правительство, совершенно не согласовалось ни съ намѣреніями и дѣятельностью комитета, ни съ самимъ его существованіемъ. Поэтому то съ этого момента, который можно считать въ дѣлѣ освобожденія началомъ гласнаго періода губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммисій, кончается и предыдущій, сохранявшійся въ «строгой тайнѣ», періодъ секретнаго комитета: секретный комитетъ превращается въ Главный, переставая вмѣстѣ съ тѣмъ на долгое время играть роль въ разработкѣ и въ осуществленіи освобожденія.

Чѣмъ же былъ вызванъ такой поворотъ въ политикѣ правительства и въ отношеніяхъ его къ секретному комитету? Современники, знавшіе положеніе дѣла въ секретномъ комитетѣ, знавшіе принятую въ немъ систему пассивнаго сопротивленія, не могли не изумляться повороту въ правительственной политикѣ и сравнительно быстрому ходу реформы послѣ открытія губернскихъ комитетовъ. Они не могли объяснить это иначе какъ «про-

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., Журналы секрет. комит., т. I, журн. № 4.

мысломъ», «вмѣшательствомъ счастливой судьбы» и т. п. [1]).

Въ дѣйствительности дѣло обстояло, конечно, гораздо проще. Истинныя намѣренія и мысли членовъ секретнаго комитета, конечно, были хорошо извѣстны Государю. И послѣ августовскаго засѣданія онъ могъ только еще разъ убѣдиться, что дѣло откладывается въ долгій ящикъ. Будучи и самъ сторонникомъ эмансипаціи, а еще болѣе, повидимому, подъ вліяніемъ боязни «освобожденія снизу» онъ долженъ былъ опасаться всякаго промедленія. Оставалось одно: не дожидаясь безконечнаго комитетскаго подготовительнаго періода съ его собираніемъ свѣдѣній и разработкой плана, сдѣлать такой шагъ, который сдѣлалъ бы необходимостью осуществленіе освобожденія и сократилъ бы до хоть какого нибудь опредѣленнаго срока подготовительный и переходный періодъ. Приходилось приступать къ освобожденію помимо спеціально созданнаго для этого секретнаго комитета, вѣрнѣе приходилось вызвать его начало даже вопреки секретному комитету.

Мы уже указывали, что Ланской въ своихъ первоначальныхъ запискахъ, еще до образованія секретнаго комитета, предполагалъ образованіе губернскихъ мѣстныхъ комитетовъ. То же самое рекомендовали и Гакстгаузенъ въ своей выше цитированной запискѣ, поданной Государю въ Киссингенѣ, а также нѣкоторые члены секретнаго комитета. Но передавать дѣло мѣстнымъ комитетамъ, безъ увѣренности въ сочувствіе ихъ освобожденію было опасно.

Министръ внутреннихъ дѣлъ уже и раньше указы-

---

[1]) См. «Матеріалы по исторіи упраздненія», которые уснащены подобными объясненіями.

валъ [1]), что наибольшее сочувствіе, или вѣрнѣе наименьшее несочувствіе, реформа встрѣтитъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. По его мнѣнію, отсюда и было бы полезнѣе всего начать реформу. Ланской предлагалъ воспользоваться пересмотромъ инвентарныхъ правилъ и намекнуть дворянству о желаніяхъ правительства приступить къ реформѣ. «Если имъ (дворянамъ сѣверо-западныхъ губерній) предоставить, не стѣсняясь прежними указаніями и нынѣ существующими условіями, обсудить вопросъ о крѣпостныхъ людяхъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ, то надѣяться можно, что они въ желаніи споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества, придумали бы предположенія, которыя могли бы послужить къ новому прочному устройству крестьянъ». Поэтому Ланской предлагаетъ возвратить проектъ инвентарныхъ правилъ. «Можно надѣяться, говоритъ онъ, что предводители сами поймутъ цѣль сего распоряженія, а ближайшія наставленія и разрѣшенія можетъ дать имъ и генералъ-губернаторъ Назимовъ»[2]).

Такимъ образомъ, еще за годъ до составленія знаменитаго «плана реформы» секретнымъ комитетомъ Ланской предлагалъ сдѣлать то, къ чему приходилось теперь возвращаться послѣ неудачи съ секретнымъ комитетомъ.

Представленія Назимова о желаніи мѣстнаго дворянства образовать губернскіе комитеты было передано по предложенію Ланского въ секретный комитетъ: по его мнѣнію это было необходимо для опредѣленія «общихъ началъ освобожденія», которыя по убѣжденію Ланского должны быть указаны центральнымъ правительствомъ.

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла секрет. ком., т. 77, записка Ланского.

[2]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секрет. ком. т. 8. Всеподд. докладная записка Мин. Внут. Дѣлъ 26 октября 1856 г. и секретное отношеніе его къ Назимову 3 ноября 1856 г.

Такимъ образомъ, желаніе дворянства о пересмотрѣ инвентарей разсматривалось такъ, какъ будто дворянство выразило желаніе приступить къ освобожденію.

Дворянство литовскихъ губерній было выбрано, какъ наиболѣе удобный объектъ созданія той обстановки освобожденія, которую хотѣло устроить правительство, боясь революціи снизу и оппозиціи сверху: именно, что освобожденіе крестьянъ происходитъ по собственному желанію дворянства. Извѣстно, что и литовское дворянство далеко не сочувственно относилось къ освобожденію и было непріятно удивлено неожиданнымъ рескриптомъ. Но правительство, сдѣлавъ, въ цѣляхъ политики, видъ, что приступаетъ къ освобожденію по желанію самого дворянства, съ этихъ поръ и во все время реформы придерживается этой оффиціальной лжи, несмотря на рѣзкія проявленія крѣпостнической оппозиціи.

Эта ложь готова было попасть даже въ «Положеніе» объ освобожденіи, и правъ былъ Адлербергъ, когда отказался въ главномъ комитетѣ подписать проэктъ положенія, первая статья котораго въ первоначальной редакціи гласила, что крѣпостное право отмѣняется «согласно желанію дворянства»[1]).

Какъ бы то ни было, результатъ просьбы литовскаго дворянства былъ для него самого неожиданный. Вмѣсто пересмотра инвентарныхъ правилъ на совѣщаніи министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ съ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ были выработаны «общія начала» освобожденія крестьянъ и порядокъ работъ въ этомъ направленіи въ губернскихъ комитетахъ. Хотя въ этихъ началахъ слова объ «освобожденіи» впервые замѣняются «улучшеніемъ быта крестьянъ», однако по существу этотъ планъ все же пошелъ

[1]) «Матеріалы по исторіи упраздненія», т. III.

дальше и предположеній секретнаго комитета, и желаній самихъ литовскихъ дворянъ.

Эти начала заключались въ слѣдующемъ [1]): 1) «Чтобы земля оставалась собственностью помѣщиковъ; 2) чтобы крестьяне получили свободу не вдругъ, а постепенно, въ особо опредѣленный срокъ отъ 8 до 12 лѣтъ; 3) имъ была сохранена осѣдлость, которую они должны пріобрѣсть въ свою собственность за деньги, или особую работу, въ теченіе опредѣленнаго выше срока; 4) въ ихъ постоянное пользованіе была отведена часть господской земли, за что они должны отбывать помѣщику работу въ натурѣ или оброкъ и 5) помѣщику сохранить полицейскую власть».

Такія начала выработало правительство, думая положить ихъ въ основу реформы. Къ счастью большинство изъ этихъ пунктовъ не нашло себѣ осуществленія и было отброшено или измѣнено въ дальнѣйшемъ ходѣ реформы. Если русскіе крестьяне не дождались бы освобожденія, будь осуществленъ августовскій планъ секретнаго комитета, то и осуществленіе ноябрьскихъ плановъ правительства принесло бы имъ вмѣстѣ съ свободой такія тиски вотчинно-феодальныхъ отношеній, которые уничтожили бы всѣ блага свободы. Но все же въ этихъ планахъ освобожденія можно видѣть шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что они опредѣляли срокъ освобожденія, не откладывая его, какъ секретный комитетъ, до неопредѣленнаго времени. Еще болѣе важнымъ было подтвержденіе необходимости и права пріобрѣтенія крестьянами въ собственность усадебъ и полученія въ пользованіе части помѣщичьей земли.

Далеко не всѣ члены секретнаго комитета были согласны на принятіе проекта «общихъ началъ». Да и

[1]) Архивъ Госуд. Сов., журналы секрет. ком., т. I, жур. № 4.

толкованія ихъ во многихъ основныхъ пунктахъ (напр. о безземельномъ или земельномъ освобожденіи) вызывало разногласія [1]). Но такъ какъ все дѣлалось по непосредственному желанію Государя, то очевидно на комитетъ было оказано извѣстное давленіе: «общія начала», вылившіяся въ проектъ извѣстнаго рескрипта, и отношенія министра внутреннихъ дѣлъ 20 ноября, прошли въ комитетѣ единогласно, и цитированная выше оффиціальная запись не отразила на себѣ указанныхъ разногласій.

Исторія послѣдующихъ, ближайшихъ за распубликованіемъ рескрипта, дней, хорошо извѣстна: рескриптъ произвелъ сильное впечатлѣніе на дворянъ-помѣщиковъ и притомъ въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ вызвалъ и озлобленіе противъ правительства, и всевозможные страхи за будущее. Съ другой—приходилось, скрѣпя сердце, изъ-за вѣрноподданической конкурренціи, обращаться съ подобными же ходатайствами; въ этомъ отношеніи разсчетъ Ланкого оправдался, и даже самымъ крѣпостническимъ дворянствамъ приходилось ходатайствовать о разрѣшеніи «приступить къ выработкѣ предположеній объ улучщеніи быта».

Министерство внутреннихъ дѣлъ внимательно слѣдило за впечатлѣніемъ, произведеннымъ рескриптами на крестьянъ и на дворянство. Отзывы получались далеко неблагопріятными. Шефъ жандармовъ докладывалъ Государю о каждомъ малѣйшемъ проявленіи безпорядковъ и неудовольствія среди крестьянъ, раздувая ихъ значеніе [2]). Заревскій свидѣтельствовалъ о «крайне небрагопріятномъ впечатлѣніи (на дворянство) рескриптовъ» такъ краснорѣчиво, что Государь обратилъ на это «особое вниманіе

---

[1]) См. «Матеріалы по исторіи упраздненія», т. I, а также Иванюковъ, «Паденіе крѣпостного права», стр. 22 и слѣд.

[2]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секрет. ком., т. 77, дѣло 11.

комитета» [1]). Рязанскій предводитель дворянства въ отвѣтъ на запросъ рисуетъ еще большіе ужасы: «неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ... Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпятся по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка». Такія же мысли вызсказывали и многіе другіе представители дворянства [2]).

Отрицательное отношеніе большинства дворянства къ реформѣ вырисовывается въ дальнѣйшемъ все яснѣе. Тѣмъ не менѣе ходатайства съ изъявленіемъ желанія приступить къ реформѣ поступали, а въ рескриптахъ неизмѣнно выражалось довѣріе и благоволѣніе за такія намѣренія. Дѣятельность секретнаго комитета за это время сводилась къ простому заслушиванію однообразныхъ ходатайствъ, къ одобренію ихъ, къ составленію столь же однообразныхъ рескриптовъ, да къ нѣкоторымъ незначительнымъ административнымъ распоряженіямъ.

16 февраля 1858 г. секретный комитетъ переименовывается въ главный [3]). Съ этого же времени разработка плана освобожденія переходитъ къ редакціоннымъ коммисіямъ, вокругъ которыхъ и сосредоточивается прежняя борьба дворянства за свои экономическія выгоды и сословныя преимущества. Дѣло освобожденія, однако, было уже выведено изъ «строгой тайны», къ нему были привлечены общественныя силы и, хотя партія крѣпостническаго дворянства достигла и здѣсь большихъ успѣховъ, все же окончаніе дѣла было гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ проекты, выработанные «въ строгой тайнѣ» въ секретномъ комитетѣ, его членами и его коммисіями.

---

[1]) Тамъ же, Всеподд. записка Закраевскаго 24 декабря 1857 г.
[2]) Тамъ же, Всеподд. докладная зписка Ланского.
[3]) Архивъ Госуд. Сов., дѣла секретн. ком. т. 8.